

Ученіе Гегеля о морали и нравственности.

О морали.

Мораль есть истина абстрактнаго права, т.-е. высшая, болѣе свободная и болѣе конкретная ступень въ ряду правовыхъ состояній воли.

Мораль есть *высшая* ступень потому, что воля челоуѣка вступаетъ на ея уровень, лишь пройдя черезъ посредство „абстрактнаго права“ и преодолевъ его опредѣленія. Моральное состояніе воли въ отличіе отъ абстрактно-правового уже не примитивно: воля испытала встрѣчу съ *вещью* (собственность) и съ *чужою овеществленною волею* (договоръ) и осуществила въ этой *вещной* обращенности свой внутренній расколь до конца (преступленіе). Она утвердила свое тождество съ *вещью* и оторвалась отъ нея; она установила свою „общность“ съ волею другого собственника и укрѣпила себя *ею* согласіемъ; она извѣдала уклонъ къ неправдѣ и неправому дѣянію и убѣдилась, что *право есть ненарушимый, неписанный законъ, скрывающійся въ ея собственной глубинѣ*. Опосредственная всѣми этими усиліями и страданіями, преодолевъ горечь перваго,—абстрактнаго и внѣшняго самоопредѣленія,—воля вступаетъ въ *моральное* состояніе ¹⁾.

Мораль есть *болѣе свободная* ступень потому, что воля челоуѣка, вступивъ на ея уровень, направлена уже не къ внѣшнему, не къ вещи и овеществленному бытію, но къ внутрен-

¹⁾ Срв. философію права Гегеля § 34—101.

нему. Въ моральномъ состояніи воля обращается *къ себѣ*; она „рефлектирована въ себя“ ¹⁾ и ищетъ тождества уже не съ вещью, а съ собою ²⁾. Она попрежнему остается самоопредѣленіемъ; но опредѣляетъ себя уже не черезъ посредство внѣшняго инобытія; объектомъ ея является *она сама*: она есть *безконечность* или центростремительное творчество и знаетъ сама объ этомъ (*für sich*). Постольку воля оказывается уже не просто „абстрактнымъ лицомъ“, т.-е. „внѣшне-ограниченною безконечностью“ но *субъектомъ* ³⁾, т.-е. внутренне-творящею безконечностью духа. Воля свободна потому, что освободила себя *во* внѣшнемъ инобытіи и, тѣмъ самымъ, *отъ* внѣшняго инобытія. Она научилась тому, что *правый законъ* не чуждъ ей, ибо формулируетъ ея собственную, *обычную* для нея, свободную природу, — ея собственный *духовный нравъ*; она научилась благодаря этому *искать въ самой себѣ источникъ своей правоты и самостоятельно творить свой правый status*. Она стала свободнѣе потому, что *возросла ея самодѣятельность и углубилось ея самосознаніе*.

Мораль есть *болѣе конкретная* ступень потому, что воля челоуѣка, находясь на ея уровнѣ, располагаетъ болѣе богатымъ содержаніемъ и живетъ въ болѣе тѣсномъ единеніи или „сращеніи“ съ собою. Все содержаніе, добытое волею въ ея „абстрактной правотѣ“, не исчезаетъ, но сохраняется на моральномъ уровнѣ: усилія и страданія личной души въ процессъ ея само-отождествленія съ вещью и въ ея встрѣчѣ съ рѣшающимъ закономъ говорятъ ей о томъ, что сфера ея свободы расширилась новыми опредѣленіями и состояніями и что теперь ей необходимо залѣчить свой внутренний разрывъ. „Особенная“ воля отвлекается отъ внѣшняго тяготѣнія и, принявъ идею *внутренняго* самоопредѣленія, ищетъ *конкретнаго тождества* съ вѣчно-правыми и вѣчно-свободными, глубокими корнями всеобщей воли. Моральная воля не теряетъ отношенія къ вещественной природѣ

1) Recht. 148. Епс. III. 385.

2) Срв. Recht. 148.

3) Recht. 148.

и другимъ людямъ; она сохраняетъ также возможность паденія и способность быть виновною: но творчество ея сосредоточено на томъ, чтобы выработать себѣ *внутреннее совершенство*, — состояніе *правое, свободное и цѣлостно-конкретное*.

Отсюда ясно, что *совершенство* есть лишь *искомое* въ морали и что терминъ „моральная воля“ выражаетъ не одобреніе или положительную оцѣнку (въ противоположность дурному, имморальному состоянію), но обозначаетъ особую структуру челоѳческой души, особый способъ жить, дѣйствовать и относиться, характерный для воли въ ея недоконца-свободномъ состояніи. „Моральность“ есть *духовно-необходимая* ступень челоѳческой жизни, и постольку она есть *правое* состояніе воли, или *право*¹⁾; именно поэтому Гегель разсматриваетъ „мораль“, какъ видъ „права“: въ спекулятивномъ ростѣ воли моральное состояніе есть *status bene fundatus*. Однако это не значить, что „моральность“ есть самое высокое и свободное состояніе воли; напротивъ, анализъ ея покажетъ ея несовершенство, ея предѣлы и ея несостоятельность. Въ устахъ Гегеля „моральность“ не только не есть синонимъ „добродѣтели“ и не только не выражаетъ одобренія, но, наоборотъ, является нерѣдко отвергающей и порицающей характеристикой души. Подобно всѣмъ переходнымъ и не высшимъ ступенямъ, „моральное“ состояніе духа есть одновременно „правое“ и „неправое“, „свободное“ и „несвободное“, допускаемое и отвергаемое состояніе. И можетъ быть никто не вскрывалъ слабыхъ сторонъ морали съ такимъ гнѣвомъ и съ такою беспощадностью, какъ Гегель.

Сущность моральнаго состоянія опредѣляется его возникновеніемъ. „Особенная“ воля, заблудившаяся въ своемъ абстрактномъ самоопредѣленіи („неправда“), внемлетъ взывающему голосу своей разумной глубины и постигаетъ, что „правое само по себѣ“ *ненарушимо и всеобще* и что его слѣдуетъ найти во *внутреннемъ, субъективномъ* самоопредѣленіи.

1) Срв. „Der moralische Standpunkt ist daher in seiner Gestalt *das Recht des Subjektiven Willens*“, Recht, 149. Курсивъ Гегеля.

Моральное состояніе воли опредѣляется, какъ *исканіе*: особенная воля ищетъ ненарушимаго и всеобщаго добра.

Однако, именно потому, что она его ищетъ, она его еще не знаетъ и не владѣетъ имъ. Моральная воля знаетъ *вѣрный путь—самодѣятельность* и движется по вѣрному направленію—*центростремительно*. Но она не вѣдаетъ основной тайны своего бытія: она не знаетъ, что *добро есть ея собственная, имманентная ей, всеобщая сущность воли*. Въ глубинѣ, сокровенно, сама по себѣ (an sich), „особенная“ воля *тождественна со всеобщимъ*¹⁾, божественнымъ огнемъ своей природы; но—она не знаетъ его: для нея (für sich) этого тождества не существуетъ. И этимъ опредѣляется сущность и судьба моральной души.

Зная о томъ, что добро можно найти *лишь самодѣятельно*, субъективная душа утверждаетъ въ морали свое право на полное и цѣлостное *самоопредѣленіе*: воля признаетъ (anerkenn) только то, и сама *есть* только то, что *ею принято*²⁾, что она утверждаетъ какъ „свое собственное“, въ чемъ она не видитъ ограниченія для своей безконечности³⁾. Въ этомъ „моральная свобода“ воли: каждое состояніе, каждое опредѣленіе свое она признаетъ *своимъ* лишь постольку, поскольку она о немъ знала и его желала⁴⁾. Поэтому она ищетъ добра, какъ чего то, внутренне ею самою признаннаго и утвержденного: она имѣетъ право сдѣлать добро предметомъ своего *знанія* и своего *воленія*.

И въ то же время она не видитъ своего глубокаго, сокровеннаго тождества съ нимъ. Добро является для нея нѣкимъ инобытіемъ, отъ котораго она оторвана и которое ей противостоитъ. Моральная воля полагаетъ себя *не въ тождествѣ съ добромъ*, но въ *отношеніи къ нему*⁵⁾. Она сама-

1) Recht. 149. 150 151.

2) Recht. 149—150.

3) „insofern es das *Seinige*, er darin sich als subjektives ist“. Recht. 150. Курсивъ Гегеля.

4) Enc. III. 385-386

5) Recht. 151. 151 (Z).

оторвана отъ него, противопоставлена ему и ограничена ¹⁾ этимъ противопоставленіемъ. Это означаетъ, что она абстрактна и формальна ²⁾, ибо отвлечена отъ абсолютно-реальныхъ и содержательныхъ корней своей жизни.

Такъ обнаруживается и въ морали этотъ основной расколъ воли на глубокую „всеобщность“ и поверхностную „особенность“. *Особенная воля* есть самъ „моральный субъектъ“ или специфически „моральная“ воля; она образуетъ сторону явленія или существованія (Existenz ³⁾, Dasein ⁴⁾ и облекаетъ собою субстанціальную ⁵⁾, *всеобщую волю* ⁶⁾. Моральная субъективность есть видимый способъ жизни, принятый на себя „свободою“, или, что то же, „по себѣ сущею волею“ ⁷⁾, а волевая субстанція, облекшаяся въ „моральнаго субъекта“—получаетъ черезъ это *дѣйствительность* и есть *идея* ⁸⁾. Однако особенная воля, не зная объ этомъ, живетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ если бы она была самостоятельна; она сознаетъ только свою поверхностную субъективную свободу, дорожить ею и остается конечною, единичною и ограничленною.

Именно въ качествѣ *конечной и ограниченной*, моральная воля видитъ свое несовершенство и построяетъ совершенное, ненарушимое и всеобщее добро, какъ „высшее“, какъ *подлежащее* осуществленію, требуемое, — *должное* ⁹⁾. Въ лучшемъ случаѣ она *со-знаетъ* его ¹⁰⁾, но не утверждаетъ себя *въ немъ*, а его *въ себѣ*. И вотъ, на почвѣ этого невѣдѣнія, этой спекулятивной слѣпоты слагается своеобразное міровоззрѣніе, которое не разъ характеризуется Гегелемъ въ его основахъ.

1) Recht. 150

2) Recht. 150. 149.

3) Recht. 148.

4) Recht. 149.

5) Срв. Recht. 151(z).

6) Recht. 149.

7) Recht. 148. 150.

8) Recht. 148. 149.

9) Recht. 151.

10) Recht. 151.

Моральный субъектъ, какъ субъектъ, есть существо *дѣйствующее* и притомъ *само* опредѣляющее себя къ дѣйствию. Это самоопредѣленіе состоитъ въ томъ, что субъективная воля сознательно сообщаетъ себѣ извѣстное *содержаніе* и затѣмъ стремится своимъ дѣвствіемъ превратить его въ „объективность“, т.-е. придать ему непосредственное существованіе; содержаніе, живущее въ субъективной волѣ и затѣмъ осуществляемое ею въ мірѣ, есть ея *цѣль* ¹⁾).

Оставаясь единичною, конечною и ограничевною волею, она противостоитъ сразу: во-первыхъ, внѣшнему міру—вещей и людей, въ которомъ она осуществляетъ свои цѣли, и во-вторыхъ, внутренне предносащейся идеѣ добра, осуществленіе которой она вмѣняетъ себѣ въ долгъ. И вотъ, моральная воля ставитъ передъ собою задачу: найти такое содержаніе и такую цѣль, которыя обладали бы дѣйствительною доброкачествомъ и могли бы быть признаны всеобщезначительными. Эта цѣль должна указать волѣ единое, объективно вѣрное и всеобщезначимое *направленіе*, или, подходя къ моральному состоянію изнутри, — единое, всеобщезначимое *побужденіе*, единый, всегда вѣрный *мотивъ* дѣвствованія.

Всѣ единичныя положенія и состоянія человѣка—различны, своеобразны и неповторяемы. Единственно, что имѣется на лицо всегда и во всѣхъ случаяхъ, это *самое отношеніе* дѣвствующей воли къ верховному добру, т.-е. ея обязанность, ея связанность *долгомъ*. Человѣческая воля во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ остается предъ лицомъ добра *обязанною* волею и притомъ—независимо отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и влеченій. Добро есть *должное* для всякаго разумнаго существа, какъ такового (категорическій императивъ); человѣкъ, ищущій добра, ищетъ *должнаго*, и можно сказать, что тотъ, кто нашелъ объективно вѣрный предметъ, само добро,—нашелъ свой долгъ. Долгъ есть необходимая и *чистая форма добра* въ его отношеніи къ че-

¹⁾ Recht. 152.

ловѣческой волѣ; всѣ побужденія и мотивы имѣютъ эмпирическую, случайную, преходящую и чувственную природу; *долгъ* есть единственное побужденіе имѣющее не чувственный, формальный, необходимый и не эмпирический, но умопостигаемый характеръ. Поэтому воля къ добру или правая воля—есть *воля къ долгу*; единая правая цѣль—есть *осуществленіе долга*; единый правый мотивъ—есть *уваженіе къ долгу*. Долгъ есть единственный и необходимый законъ добра и потому моральная воля опредѣляетъ себя къ тому, чтобы творить *долгъ ради долга*. Именно таково было классическое обоснованіе морали, данное Кантомъ.¹⁾

На этой основѣ и слагается моральное міровоззрѣніе²⁾.

Моральная душа, опредѣляя себя долгомъ и обнаруживая тѣмъ свою разумность, встрѣчаетъ въ самой себѣ сопротивленіе, исходящее отъ чувственныхъ побужденій и влеченій во всемъ ихъ множествѣ и разнообразіи; въ ней обнаруживается несогласованность и противоположность³⁾. Разумная воля не поддается однако этимъ влеченіямъ и утверждаетъ *свой законъ* (автономія), стремясь ограничить и подчинить себѣ чувственность⁴⁾. Она стремится быть *свободной и чистой* волей, не скованной и не смѣшанной съ эмпирическими содержаніями⁵⁾. Но для этого ей необходимо побороть ихъ, свести ихъ множество къ единому мотиву и закону и тѣмъ создать въ своихъ предѣлахъ гармонію и цѣльность. Моральное міровоззрѣніе есть воззрѣніе существа, *признающаго долгъ и отыскивающаго духовную гармонію*, или, что то же,—*конкретность* духовной жизни. Моральная душа стремится, во-первыхъ, къ гармоніи между чистою волею, вѣрною долгу, и ирраціональными, чувственными влеченіями души. Именно къ этому направлена ея *дѣятель-*

1) Эту дедукцію Гегель цѣликомъ не излагаетъ, хотя постоянно указываетъ на нее и приводитъ ее по частямъ.

2) „moralische Weltanschauung“. Phän. 453.

3) W. Beh. 348. Срв. Glaub. 153.

4) W. Beh. 348. Срв. Glaub. 153.

5) Срв. Glaub. 149—150.

ность¹⁾, принимающая форму непрестанной борьбы. Едва покоренныя и приведенныя къ молчанію, чувствєнныя влечєнія вновь поднимають голову и героическія усилія чистой воли безсильны ихъ искоренить. Какъ бы ни цѣльна была побѣда долга, — моральное сознание видитъ себя попрежнему нецѣльнымъ и преисполняется чувствомъ собственнаго несовершенства. Суровое самопринужденіе и *вынужденная* покорность не дають расцвѣсти духовной гармоніи.

Это затрудненіе осложняется тѣмъ, что многосторонность эмпирическихъ положеній ставитъ передъ моральнымъ сознаниємъ цѣлый рядъ различныхъ по содержанию, но категорически зовущихъ и требующихъ обязанностей или „долговъ“, которые должны быть сведены, какъ въ принципѣ, такъ и въ осуществленіи, къ единому, цѣльному, священному долгу²⁾. И вотъ, моральное сознание, зная, что добро *ненарушимо* и *цѣльно*, и въ то же время видя его въ себѣ нарушаемымъ и нецѣльнымъ, — *постулируетъ* бытіе другого, совершеннаго сознанія, т.-е. высшаго существа, въ дѣйствіяхъ котораго чувственность примирена съ долгомъ и особенная воля со всеобщей³⁾. Сила этого божественнаго совершенства гарантируетъ человѣку осуществимость долга, торжество чистой воли и достижимость свободы и духовной гармоніи⁴⁾. Она упрочиваетъ въ немъ вѣру въ разумъ и разумность долга, вѣру въ то, что человѣкъ *можетъ* совершить то, что онъ *долженъ* совершить; этимъ она придаетъ долгу его истинное незыблемое значеніе⁵⁾.

Моральное сознание стремится, во-вторыхъ, къ гармоніи между дѣятельностью чистой воли и ея результатами. Эти результаты должны стоять въ дѣйствительномъ и справедливомъ соотвѣтствіи съ творческими усиліями моральной души. Съ одной стороны, внѣшній міръ, слагающійся по своимъ само-

1) Phän. 458.

2) Phän. 458—459.

3) Phän. 459.

4) Срв. Phän. 459—460.

5) Срв. Phän. 460.

стоятельнымъ и объективнымъ законамъ („законамъ природы“) ¹⁾ не долженъ подвергаться искаженію и бесплодности всякое завоеваніе чистой воли. Отсюда возникаетъ *постулатъ* гармонической согласованности между „царствомъ природы“ и „царствомъ моральной свободы“ ²⁾.

Съ другой стороны, усилія моральной души, повышающія ея совершенство, должны давать ей соотвѣтствующее удовлетвореніе: чѣмъ выше „добродѣтель“ души, тѣмъ болѣе она достойна счастья ³⁾. Отсюда *постулатъ* высшей справедливости въ мірѣ и воздаянія каждому по его дѣламъ ⁴⁾.

Всѣ эти постулаты объединяются въ одномъ: допускается бытіе Божества, т.-е. абсолютнаго, морально-совершеннаго существа, мудро устрояющаго міръ и пекущагося о справедливости и о заслуженномъ счастьи людей. Этому существу противостоитъ множество людей, ограниченныхъ и конечныхъ *ноуменальныхъ* духовъ, несовершенныхъ, борющихся и алчущихъ гармоніи душъ, подчиненныхъ долгу и подверженныхъ, съ эмпирической стороны, внѣшнему и внутреннему закону природы. Ихъ творчество имѣетъ свой предѣлъ и свою судьбу въ двойственномъ составѣ ихъ существа: съ одной стороны имъ дана чистая воля и открытъ законъ долженствованія, съ другой стороны имъ дана чувственная природа и недоступна полнота совершенства. Поэтому *добро*, какъ цѣлостное, гармоническое и совершенное состояніе, остается для человѣка *регулятивной идеей*, бесконечно разрѣшаемымъ и все еще неразрѣшеннымъ заданіемъ ⁵⁾.

Таково моральное міровоззрѣніе. Гегель усматриваетъ въ немъ „цѣлое гнѣздо безмысленныхъ противорѣчій“ и подвергаетъ его жестокой и послѣдовательной, хотя и не всегда безпристрастной критикѣ.

¹⁾ Срв. Phän. 453.

²⁾ Срв. Phän. 455.

³⁾ Срв. Phän. 454-455.

⁴⁾ Срв. Phän. 460-461.

⁵⁾ Phän. 457-458.

Моральное міровоззрѣніе, во-первыхъ, внутренно противорѣчиво; во-вторыхъ, безсодержательно; и въ-третьихъ, ошибочно въ самыхъ истокахъ и корняхъ своихъ. Оно не только не раскрываетъ сущности добра и не ведетъ къ совершенству, но прямо и во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчитъ истинной добродѣтели и нравственности: „moralitas omnibus numeris absoluta virtuti repugnat“¹⁾.

Итакъ, во-первыхъ, моральное міровоззрѣніе внутренно противорѣчиво, и притомъ не въ смыслѣ истинной, діалектической „противорѣчивости“, вырастающей имманентно и восходящей къ конкретному синтезу, но въ смыслѣ дурной путаницы, приводящей душу къ безпомощному метанію²⁾ и бесплоднымъ, деморализующимъ ухищреніямъ. При этомъ моральное сознание знаетъ о своихъ противорѣчіяхъ, силится ихъ затушевать и тѣмъ доказываетъ, что оно само не относится серьезно къ своимъ утвержденіямъ³⁾.

Такъ, прежде всего, противорѣчиво ученіе морали о долгѣ и чувственности. Съ одной стороны моральная душа *исключаетъ* чувственныя цѣли и влеченія настолько, что отвергаетъ устами Канта даже альтруистическія побужденія, какъ невѣрныя; съ другой стороны она добивается *гармоніи* между долгомъ и чувственностью⁴⁾. Она стремится *дѣйствовать* въ *эмпирическомъ* мірѣ и — выбрасываетъ всякое эмпирическое содержаніе, остающееся необходимымъ внутреннимъ (склонность, влеченіе) и внѣшнимъ (органы тѣла) средствомъ для эмпирическаго дѣйствія во имя идеала⁵⁾. Мораль имѣетъ дѣло съ единичною, *эмпирическою душою*, и дѣйствія этой души возможны только при *вовлеченіи*⁶⁾, мало того—при творческомъ напряженіи ирраціональныхъ сторонъ ея. Поэтому „чистая воля“ не можетъ *ни* принять, *ни*

¹⁾ Ros. 159.

²⁾ Срв. „Verstellung“, „Schwindelnde Bewegung“ etc. Phän. 463. 464 и слѣд.

³⁾ „Es bekennt damit, dass es ihm in der That mit keinem derselben Ernst ist“. Phän. 464; срв. 465—476.

⁴⁾ Phän. 468.

⁵⁾ Phän. 468.

⁶⁾ Срв. Phän. 468.

отвергнуть чувственные влеченія и остается въ состояніи колеблющейся борьбы съ собою и съ ними.

Именно *борьба съ чувственностью* ¹⁾—составляетъ *сущность* морали. Но это значить, что состояніе *гармоніи*, если бы оно осуществилось, положило бы конецъ *моральному подвигу*, преодолевающему чувственность: оказалось бы, что преодолевать *нечего*, что моральныя усилія, побѣды и заслуги болѣе ненужны ²⁾. Поэтому, если моральное сознание послѣдовательно, оно должно признать, что посвящаетъ свои силы упраздненію морали, преодолѣнію ея ³⁾. Тамъ, гдѣ кончается борьба съ „чувственностью“,—морали нечего дѣлать. И вотъ, испуганное перспективой самоуничтоженія, моральное сознание спѣшитъ отодвинуть это достиженіе въ эмпирическую безконечность ⁴⁾, въ „туманную даль“, гдѣ ничего нельзя различить съ точностью ⁵⁾, въ абсолютно недостижимую потусторонность ⁶⁾. Однако этимъ мораль утверждаетъ себя какъ неполноту, несовершенство, недостиженіе: она оказывается „промежуточнымъ состояніемъ несовершенности“, восходящимъ къ завершенію ⁷⁾. Это восхожденіе выражается въ постепенномъ ослабленіи моральной борьбы, въ постепенномъ исчезновеніи „подвиговъ“ чистой воли ⁸⁾: чѣмъ болѣе совершенна душа, тѣмъ менѣе она моральна. Таковы ея первыя, основныя противорѣчія.

Они связаны, далѣе, со множествомъ другихъ затрудненій. Та постепенность, съ которою мораль уступаетъ свое мѣсто „не-морали“, предполагаетъ дробимость, количественную и качественную дѣлимость осуществляемой добродѣтели; однако такое предположеніе неприемлемо для морали, при-

¹⁾ Phän. 469.

²⁾ Phän. 469.

³⁾ Phän. 469.

⁴⁾ Срв. Phän. 457.

⁵⁾ „nebliche Ferne“, „nichts genau zu unterscheiden“. Phän. 469.

⁶⁾ Log. I. 271.

⁷⁾ „Zwischenzustand der Nichtvollendung“, „Fortschreiten zur Vollendung“. Phän. 469.

⁸⁾ Phän. 469. 470.

знающей не эмпиричность и строгое единство „морального качества“: долгъ, какъ единственный мотивъ и вѣрность ему, какъ единственную доблесть ¹⁾). Но если такъ, если добродѣтель дѣйствительно едина и абсолютна, то въ душѣ чело-вѣка она или имѣется на лицо, или отсутствуетъ. *Tertium non datur*. И моральная душа характеризуется именно *отсутствіемъ* добродѣтели: мораль есть борьба, т.-е. состояніе *дисгармоніи* между сознаниемъ долга и его осуществленіемъ ²⁾); мораль есть *порывъ* къ идеалу, какъ чему-то недостигнутому, и потому добро остается всегда недѣйствительною выдумкою ³⁾: это „разумная идея“, превращенная въ простое заданіе ⁴⁾ и „сплошь отсутствующая“ въ дѣйствительности ⁵⁾. *Моральной дѣйствительности—нѣтъ* ⁶⁾. Но въ такомъ случаѣ, если сущность морали въ ея неосуществленности, если она есть *не больше, чѣмъ далекій идеалъ*, то въ чемъ же та „достоинность“ и „заслуженность“ моральной души, о которой она взываетъ сама, требуя себѣ „справедливаго“ счастья ⁷⁾? Какъ смѣетъ чело-вѣкъ роптать на то, что „въ этомъ мірѣ добродѣтель остается безъ награды“, если онъ самъ *не* добродѣтеленъ и никакой награды не заслужилъ ⁸⁾? Онъ требуетъ и „постулируетъ“, не имѣя заслугъ. Но это значитъ, что онъ рассчитываетъ на „милость“, т.-е. на произвольное сни-схожденіе другого существа ⁹⁾. Зачѣмъ же онъ, втайнѣ уповая на „милость не по заслугамъ“, выставляетъ на видъ свою мнимую добродѣтель? Зачѣмъ же онъ говоритъ о не-справедливомъ устройствѣ міра, если онъ *по справедливости* не заслужилъ „счастья“? Можетъ быть онъ просто завидуетъ счастливымъ и хлопочетъ о себѣ и о своихъ друзьяхъ ¹⁰⁾?

¹⁾ Phän. 470; срв. W. Beh. 349—350. Log. I. 272.

²⁾ Phän. 463. 479.

³⁾ „unwirkliches Gedankending“. Phän. 474.

⁴⁾ „bloss Vorgegebenes“. Glaub. 153.

⁵⁾ „durchgehends abwesend“. Glaub. 153.

⁶⁾ „dass es kein moralisch Wirkliches giebt“. Phän. 463.

⁷⁾ Phän. 470.

⁸⁾ Phän. 470—471.

⁹⁾ Phän. 470.

¹⁰⁾ Phän. 471.

Здѣсь обнаруживается, что цѣлью моральнаго человѣка является не столько добродѣтель, сколько *счастье*: ибо „добродѣтель, лишенная счастья“, представляется ему непріемлемой, а „счастье не по заслугамъ“ кажется ему желаннымъ ¹⁾. Онъ требуетъ даже особыхъ гарантій того, что счастье его не минуетъ, хотя бы въ „будущей“ жизни. Правда, моральное сознание склоняется къ тому, что лучшей „наградой“ ему будетъ „чувство исполненнаго долга“; но тогда зачѣмъ же оно взываетъ о бѣльшемъ и о несправедливости міропорядка? Если награда скрыта въ *самомъ* морально-вѣрномъ *дѣяніи*, то откуда же безрадостность долга ²⁾? А если вѣрность долгу *радостна* сама по себѣ, то почему же неосуществима гармонія между „разумомъ“ и „счастьемъ“ ³⁾? Но, если она осуществима, то зачѣмъ жалобы и далекіе „постулаты“? Можетъ быть моральный человѣкъ, отказавшись отъ эмпирическаго и чувственнаго, ищетъ теперь возмѣщенія своего ущерба? Пусть же онъ пойметъ, что онъ самъ втайнѣ мечтаетъ освободиться отъ „морали“ и что идеаль его въ томъ, чтобы сдѣлать моральную дѣятельность излишней и упраздненной ⁴⁾.

Моральная душа влечется къ счастью потому, что исполненіе долга по частямъ, если даже называть его исполненіемъ долга, не можетъ дать полнаго удовлетворенія, а „долгъ“, какъ единое, великое цѣлое,—невыполнимъ: это было бы тѣмъ *осуществленіемъ идеала*, которое съ самаго начала признано невозможнымъ. Но если въ самомъ дѣлѣ осуществленіе идеала отодвинуто въ безконечность ⁵⁾ и *долгъ не исполнимъ*, то зачѣмъ же мораль призываетъ вѣрить въ разумность и *исполнимость долга*? Кантъ говоритъ: „ты можешь, потому что ты *долженъ*“; онъ полагаетъ, что источникъ долга—разумъ, а разумъ пересталъ бы быть разумомъ,

¹⁾ Phän. 470.

²⁾ Phän. 465. 467.

³⁾ Phän. 465.

⁴⁾ „gar nicht vorhanden“, „überflüssig“. Phän. 467. 468.

⁵⁾ Срв. Log. I. 271—272.

если бы онъ предписалъ что-нибудь невыполнимое. Однако, строго говоря, Кантъ долженъ былъ бы сказать обратное: „ты *не* можешь, именно потому, что ты долженъ“ ¹⁾. Часть долга—не долгъ; а больше, чѣмъ „часть долга“—человѣку совершить не дано. Поэтому „долгъ“ всегда остается „только долгомъ“ ²⁾: это знакъ того, что человѣкъ *не сдѣлалъ* надлежащаго и *не можетъ* исполнить все до конца.

Что имѣеть въ виду человѣкъ, говорящій о долгѣ? Онъ представляетъ себѣ нѣкоторый предметъ или содержаніе, которое существуетъ только въ мысли и воображеніи ³⁾. Это содержаніе есть само *добро*, т.-е. самое абсолютное и реальное ⁴⁾, изъ всего, что только имѣеть бытіе. И вотъ эту-то абсолютную реальность мораль превращаетъ въ нереальную ⁵⁾ и нереализуемую „идею“. Добро присутствуетъ въ моральной душѣ, ибо человѣкъ имѣеть „сознаніе идеала“; но *реально* добро *не* присутствуетъ въ моральной душѣ, ибо субъективная воля оторвана отъ всеобщей. Добро *и доступно* человѣку, *и не доступно* ему ⁶⁾; *сознаніе* долга возноситъ душу за всякіе предѣлы и въ то же время, какъ сознаніе *дома*, оно ставитъ ему не престапаемую границу ⁷⁾. Долгъ формулируетъ задачу, которая всегда останется задачей ⁸⁾, а ученый моралистъ, *зная* это, призываетъ къ *вѣрті* въ исполнимость долга.

Естественно, что всѣ эти противорѣчія вызываютъ сомнѣніе въ долгѣ, въ его разумности и его абсолютномъ значеніи: ибо въ чемъ же смыслъ *неразрѣшимой задачи*, въ разрѣшимость которой *все-таки лучше вѣрті*? Разумность долга сама нуждается въ обоснованіи. Это обоснованіе состоитъ въ томъ, что морально-должное осуществляется Боже-

¹⁾ Log. I. 143.

²⁾ Срв. Enc. III. 428 Recht. 96. 129. 207.

³⁾ Срв. Phän. 462.

⁴⁾ Срв. Enc. III. 389.

⁵⁾ Enc. III. 389.

⁶⁾ Phän. 463.

⁷⁾ Log. I. 142.

⁸⁾ Срв. Phän. 458.

ствомъ. Однако *святость* долга не можетъ упрочиться отъ этой ссылки: во-первыхъ, долгъ святъ самъ по себѣ, иначе онъ не долгъ; во-вторыхъ, если святость Божества опредѣляется его вѣрностью долгу, то значеніе долга не можетъ покоиться на святости Божества. Религіозное обоснованіе долга повергаетъ моральную думу въ ложный кругъ и лишаетъ ее автономнаго самоопредѣленія ¹⁾. Точно также *осуществимость* долга не можетъ быть доказана ссылкой на Божество: то, что осуществимо для Бога, можетъ оказаться неосуществимымъ для человѣка ²⁾. Наконецъ, то, что осуществляетъ Божество, есть именно *не* моральность со всѣми ея колебаніями и усиліями, но цѣлостная гармонія ³⁾, недостижимость которой для человѣка мораль продолжаетъ исповѣдовать и послѣ своей ссылки на Божество ⁴⁾.

Если душа человѣка дѣйствительно добродѣтельна, то, увидѣвъ всѣ эти противорѣчія морали, она сразу пойметъ, что вступила на ложный путь, и, оставивъ его, ⁵⁾ замкнется въ себя: ея чистая совѣсть будетъ не въ состояніи вынести такое міровоззрѣніе. Она начнетъ поступать въ простотѣ, съ непосредственной добросовѣстностью и будетъ права ⁶⁾. Но если она при этомъ не захочетъ сознаться въ противорѣчивости и недоброкачественности оставленнаго міровоззрѣнія и будетъ поддерживать его „для другихъ“, то ея жизненный путь останется лицемернымъ ⁷⁾.

Такова противорѣчивость моральнаго міровоззрѣнія.—

Однако моральное ученіе не только запутываетъ человѣка въ противорѣчіяхъ; оно обманываетъ его ожиданія, обѣщая ему твердое и опредѣленное руководство на пути къ добру и оставляя его передъ *неопредѣленностью* и *пустотой*.

¹⁾ Phän. 472.

²⁾ Срв. Phän. 472—474.

³⁾ Срв. Phän. 472. 473. 474.

⁴⁾ Phän. 474.

⁵⁾ Phän. 475.

⁶⁾ Phän. 475.

⁷⁾ Phän. 475—476.

Мораль есть *разсудочное* учение о добрѣ и добродѣтели; ¹⁾ поэтому она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ недостатки и заблужденія разсудка. Это выражается, во-первыхъ, въ томъ, что моралистъ *мыслитъ* добродѣтель, не созерцая ея, и тѣмъ превращаетъ ее въ абстрактное понятіе „добра“; далѣе въ томъ, что онъ отрываетъ родовую сущность отъ содержательной единичности и оставляетъ обѣ стороны въ абсолютномъ противоположеніи; наконецъ въ томъ, что онъ удовлетворяется формальнымъ рѣшеніемъ проблемы и не замѣчаетъ, что злосчастная пустота его формулъ ниспровергаетъ руководимую имъ душу въ хаосъ эмпирии и произвола.

Отрывъ мысли отъ созерцанія есть та основа, на которой вырастаютъ разсудочныя злключенія морали. Проблему этики невозможно разрѣшить ни однимъ интуитивнымъ прозрѣніемъ, внѣ мысли, ни одною мыслью, безъ созерцанія. Съ одной стороны, самый предметъ этики, добродѣтельное состояніе духа, скрываетъ въ себѣ начало мысли: ибо добродѣтель есть состояніе *воли*, а воля есть творческая сила самосознанія и разума ²⁾; съ другой стороны, *методъ* этики, какъ таковой, есть *научный* методъ и протекаетъ въ элементъ спекулятивнаго мышленія. Добродѣтельная воля, есть *мыслящая* воля, ибо она восходитъ къ истинной всеобщности ³⁾, и *мыслимая* воля, ибо она есть членъ спекулятивнаго ряда. Предоставить обычной, субъективной интуиціи—„сердцу“, „настроенію“, „вдохновенію“ и т. под.—разрѣшать вопросъ о томъ, что „правильно, разумно и прекрасно“, значитъ допустить господство „самыхъ плоскихъ и пустопорожнихъ выдумокъ и самыхъ вздорныхъ мнѣній“ въ важнѣйшихъ жизненныхъ отношеніяхъ ⁴⁾. Однако, если учение о добрѣ не можетъ быть построено внѣ мысли, то оно невозможно и внѣ созерцанія. Мысль предоставленная самой себѣ, не насыщенная живымъ, твор-

¹⁾ Срв. Glaub 153—154. W. Beh. 397—398. Phän. 451 и др.

²⁾ Enc. I. 5. Recht. 57. 173;

³⁾ Recht. 161. 173.

⁴⁾ Recht. 169 197;

ческимъ воображеніемъ, не въ силахъ овладѣть *содержаніемъ* предмета и уходитъ въ сферу безсодержательной абстракціи. Она по необходимости отвлекаетъ голую форму и превращаетъ живую силу добра въ мертвую схему, „безконечную идею“ и т. д. Тотъ, кто стремится къ истинному знанію добра, долженъ понять, что весь вопросъ этики есть вопросъ о *содержаніи* ¹⁾, а не о формѣ, и что *содержаніе* познается только *созерцающей* мыслью. Философъ, изслѣдующій добродѣтель, долженъ прежде всего добиться „совершенной адекватности созерцанія—понятію“ ²⁾ и тогда только онъ будетъ въ состояніи преодолѣть тѣ искушенія разсудка, съ которыми не справился Кантъ.

Моральное ученіе, въ его обычномъ видѣ, остается разсудочнымъ и превращаетъ добро въ отвлеченное понятіе. Оно разсматриваетъ „всеобщее“ въ отрывѣ отъ „единичнаго“ ³⁾ и „абстрактное“ въ противопоставленіи „конкретному“: и этимъ оно губитъ все свое дѣло. „Всеобщее“ оказывается дурною и пустою абстракціею, а „единичное“ — дурною, эмпирическою конкретностью. Въ результатъ этого живая, творчески-цѣлостная ткань добродѣтельнаго духа разрывается ⁴⁾ на изолированныя и противостоящія стороны, и органическая цѣльность всеобщей и доброй воли превращается въ *dissecta membra* несовершенной и томящейся, личной души. Чистая воля безнадежно противостоитъ эмпирической чувственности ⁵⁾; абстрактный законъ — желанному содержанію ⁶⁾; единство отвлеченнаго добра — множеству единичныхъ поступковъ и субъектовъ ⁷⁾; нереальный долгъ — реальной жизни человѣка ⁸⁾. Жизнь души протекаетъ въ коллизіи между долгомъ и страстью ⁹⁾ и въ

¹⁾ W. Beh. 351.

²⁾ Lass II. 419.

³⁾ Срв. Phän. 502.

⁴⁾ „Zerrissenheit“ Nohl. 266.

⁵⁾ Glaub. 137. 153; срв. Diff. 246.

⁶⁾ Срв. W. Beh. 350. 351.

⁷⁾ Срв. W. Beh. 360. 361.

⁸⁾ Срв. Nohl. 267. Glaub. 135. 140. Phän. 481. Enc. I 117 и др.

⁹⁾ Phän. 347.

комическихъ столкновеніяхъ одного долга съ другимъ ¹⁾. Разсудокъ запутывается въ противостоящихъ другъ другу абстрактныхъ требованіяхъ и единичныхъ эмпирическихъ казусахъ и ситуаціяхъ. Абсолютный, не признающій компромисса долгъ представляетъ собою ту „всеобщность“, которая *не можетъ* стоять въ конкретномъ тождествѣ съ „единичностью“ человѣческаго поступка: живое дѣйствіе остается въ сферѣ дурной эмпириі, а мертвый долгъ въ сферѣ празднаго, неосуществляющагося идеала ²⁾. Пропастъ между ними поневолѣ заполняется безконечнымъ, блуждающимъ приближеніемъ ³⁾ и, слѣдовательно, въ сущности говоря, остается незаполненной. Человѣческое дѣяніе и идеаль остаются разнородными, разно-законными, противоположными и несоединимыми.

Зрѣлымъ плодомъ этого разсудочнаго подхода является *полная безсодержательность* верховнаго моральнаго принципа—долга.

Мораль понимаетъ проблему этики, какъ отысканіе *единой* для всѣхъ жизненныхъ случаевъ *правила* и *мѣрила*. Но то, что мыслится, какъ *единое* въ отношеніи къ *подчиненному* множеству, будетъ неизбежно формальной абстракціей ⁴⁾: оно будетъ *противопоставлено* *всему* *содержательному* и, само по себѣ—*свободно отъ всякаго содержанія* ⁵⁾. Всѣ моральные поступки различны, но *всѣ* имѣютъ нѣчто общее. Это общее есть само *творящее начало*,—воля человѣка, и, соотвѣтственно, ея формальный законъ, т.-е. ея *способъ* относиться къ добру и мотивировать свое рѣшеніе. А это и есть долгъ. Но такъ какъ содержаніе приходитъ къ разсудочной абстракціи *извне*, отъ эмпирической чувственности, то моральная воля видитъ во всякомъ содержаніи чужероднаго пришлеца, нарушающаго ея формальную автономію. Поэтому она отвлекается отъ всякой „матеріи“ ⁶⁾.

¹⁾ Phän. 347.

²⁾ Срв. Glaub. 152—153.

³⁾ Glaub. 152—153. Log. I. 153—154.

⁴⁾ W. Beh. 351.

⁵⁾ Срв. W. Beh. 349—350; Особ. 351.

⁶⁾ W. Beh. 351.

Указать долгу какое-нибудь постоянное содержание, столь же абсолютное, какъ его форма, значить признать, что долгъ долженъ быть желаненъ *не ради долга* ¹⁾, т.-е. не потому, что душа стремится къ добродѣтели, но потому, что человѣку *нравится* такое - то *эмпирическое содержаніе*. А между тѣмъ сущность праведной воли состоитъ прежде всего въ томъ, что она *желаетъ быть добродѣтельной*, не ради чего иного, а исключительно потому, что она *желаетъ добра*.

И вотъ моралистъ, установивъ самоцѣнность добродѣтели, оказывается безсильнымъ наполнить добро какимъ бы то ни было содержаніемъ: ибо *всякое* содержаніе деградируетъ въ его глазахъ автономію моральной воли, ибо *всякое* содержаніе имѣетъ эмпирически-чувственный характеръ. Онъ обреченъ на то, чтобы отстаивать „пустое чувство долга“ ²⁾. А между тѣмъ, душа, возжелавшая „добра, ради добра“, ожидаетъ съ полнымъ основаніемъ, что моралистъ укажетъ ей, *чего же именно* она желаетъ, какъ высшей и послѣдней цѣнности? Она ожидаетъ напрасно: она не услышитъ отъ моралиста ничего, кромѣ „пустой декламации“ ³⁾ на тему о томъ, что „добро есть добро“, а „долгъ есть долгъ“.

Понятно, что подобная тавтологія ⁴⁾ не можетъ привести къ познанію добра. Разсудокъ моралиста, разъ вступивъ на путь „аналитическаго единства“ ⁵⁾, на путь абстрактной „индифференціи“ ⁶⁾ и фиксированныхъ, пустыхъ понятій ⁷⁾, не можетъ произнести ничего, кромѣ излишнихъ ⁸⁾, нравственно-ложныхъ ⁹⁾ и ничего не говорящихъ ¹⁰⁾ тождесловій.

1) Glaub. 150.

2) Glaub. 150.

3) „hohle Declamation“. Glaub. 140.

4) Срв. W. Beh. 350. 353. 354. 398. Phän. 319; срв. о „законѣ противорѣчія“ W. Beh. 350.

5) W. Beh. 350. 398.

6) Срв. W. Beh. 398.

7) Срв. W. Beh. 354. 398.

8) W. Beh. 353. 3545.

9) W. Beh. 353.

10) Glaub. 105. W. Beh. 357.

Эти тавтологіи остаются оторванными отъ жизни и истины ¹⁾ и оставляютъ ищущее сознаніе передъ лицомъ абстракцій и вымысловъ, лишенныхъ всякой сущности ²⁾.

Кантъ пытается выйти изъ этого круга, устанавливая первую формулу категорическаго императива: „поступай такъ, чтобы максима твоего поступка могла быть сдѣлана принципомъ всеобщаго законодательства“. Однако здѣсь-то и обнаруживается его вращеніе въ пустотѣ. Принципомъ всеобщаго законодательства можно сдѣлать максиму *всякаго* поступка ³⁾: передъ лицомъ *формальной* долга чело-вѣческая мысль сохраняетъ неограниченный произволъ въ утвержденіи и отрицаніи различныхъ содержаній. Въ самомъ дѣлѣ, почему формальный долгъ не велитъ обманывать, красть, убивать? Кантъ полагаетъ, что, если обманъ, кража и убійство сдѣлаются принципами общаго поведенія и *все* начнутъ обманывать, красть и убивать,—то получится внутреннее противорѣчіе ⁴⁾: исчезнетъ *довѣріе, мирное* сожителство людей и наконецъ *самый родъ* чело-вѣческой. Гегеля не убѣждаетъ эта ссылка ⁵⁾. Какому же *внутреннему* содер-жанію *формальной* долга будетъ противорѣчить исчезновеніе до-вѣрія, мира и людей,—спрашиваетъ онъ Кана. Откуда чело-вѣкъ, возжелавшій долга ради долга, узнаетъ, что добро состоитъ въ до-вѣрії, мирѣ и бытіи разумныхъ существъ? Одно изъ двухъ: или эти содержанія должны быть открыто включены въ формальный принципъ морали, но тогда онъ перестанетъ быть формальнымъ и все ученіе окажется не-состоятельнымъ; или же моралистъ не долженъ ссылаться на нихъ, чтобы не получить упрека въ недопустимыхъ „подтасовкахъ“ ⁶⁾.

Принципъ формальнаго долга не предусматриваетъ и не

¹⁾ Glaub. 117.

²⁾ W. Beh. 401. Phän. 290. 291.

³⁾ W. Beh. 351.

⁴⁾ Срв. W. Beh. 352—353. Recht. 178—179.

⁵⁾ W. Beh. 350.

⁶⁾ Срв. „Verkehrung“, „Taschenspielererei“. W. Beh. 354.

можетъ предусмотрѣть *никакого* содержанія; онъ *безразличен* ¹⁾ ко всякой „матеріи“ и можетъ вмѣстить въ себя любую.²⁾ Но такъ какъ дѣйствующая душа есть прежде всего *выбирающая* и *рѣшающая* душа, а мораль оставляетъ ее передъ эмпирическимъ множествомъ возможностей ³⁾ безъ указаній, то она неизбѣжно обращается къ произволу ⁴⁾. Если это добрая и благородная душа, то она запутывается въ безпринципномъ выборѣ, впадаетъ въ нерѣшительность и, выбирая подъ вліяніемъ случая, сознаетъ себя дѣйствующей неразумно ⁵⁾. Если же это душа порочная, то она слѣдуетъ своему личному интересу, въ увѣренности, что потомъ можно будетъ *все* оправдать долгомъ и успокоить свою совѣсть ⁶⁾. И, дѣйствительно, только очень неискусный или необразованный человѣкъ затруднится подобрать мнимыя основанія для своей мнимой правоты ⁷⁾.

Такова та огромная опасность, которую скрываетъ въ себѣ моральное ученіе: оно предлагаетъ надежное убѣжище самому отвратительному ⁸⁾ лицемерію ⁹⁾, незамѣтно растлѣвающему нравственную жизнь. Своекорыстные люди, прикрываясь праздными декламациями на тему о долгѣ, превозносясь и величаясь въ пустомъ и ложномъ паеосѣ ¹⁰⁾, могутъ съ успѣхомъ симулировать добродѣтель и оправдывать свою низость моральными доводами ¹¹⁾. Ученіе Канта, проистекшее изъ чистаго и возвышеннаго ¹²⁾ настроенія, можетъ легко выродиться въ цѣлый рядъ мнимыхъ и ложныхъ формъ

1) „gleichgültigeti“. Phän. 485.

2) W. Beh. 353. 354.

3) Срв. Glaub. 150. 151. W. Beh. 353—354. Recht. 193—194.

4) Glaub. 151. W. Beh. 350. 352.

5) Срв. Glaub. 151.

6) Срв. Glaub. 151. W. Beh. 355.

7) W. Beh. 355. Recht. 194.

8) Срв. „mi Abscheu“. Phän. 475; „verschmäht“. Phän. 475. 476.

9) „Heuchelei“. Phän. 475. 476.

10) Срв. „Declamationen“, „Aufschwellung“, „gross von einer leeren Aufgeblasenheit.“ Phän. 291.

11) „Niederträchtigkeit als Moralität gerechtfertigt“. Glaub. 152; срв. Recht. 191.

12) „erhaben. Recht. 179 (z) „hoch“. Recht. 177 (z).

добродѣтели, начиная отъ обычнаго лицемѣрія, знающаго, въ чемъ добро, творящаго зло и надѣвающаго передъ другими личину праведности ¹⁾ и кончая „моральнымъ искусствомъ іезуитовъ“ ²⁾ съ ихъ грубо-утонченнымъ „пробабилизмомъ“ подмѣняющимъ достовѣрность—вѣроятностью и обоснованіе—произвольной и иллюзорной аргументаціей ³⁾.

Въ противовѣсъ этому слѣдуетъ признать, что невозможно построить ученіе о добрѣ и добродѣтели, не обращаясь къ содержанію. Безсодержательное добро и пустая добродѣтель суть вредные фантомы.

Но въ такомъ случаѣ передъ формальною доктриною морали открывается два исхода: или вносить содержаніе изъ эмпириі, болѣе или менѣе открыто принимая и какъ бы вдвигая его въ формальныя категоріи разсудка; или же отыскать болѣе живые, богатые и конкретные истоки добродѣтели, по отношенію къ которымъ моральная воля окажется лишь несовершеннымъ видоизмѣненіемъ. Кантъ открыто осуществлялъ первый исходъ и не замѣчалъ, что втайнѣ прибѣгаетъ и ко второму. Въ его представленіи долгъ, для того, чтобы получить какое-нибудь содержаніе, долженъ быть примѣненъ, приложенъ къ эмпирическому случаю или дѣйствию; а эмпирическое дѣйствіе, для того, чтобы получить моральную квалификацію и оцѣнку, должно быть подведено, „субсумировано“ подъ абстрактную идею долга. Понятно, что такое подведеніе имѣетъ смыслъ лишь при томъ условіи, если между „формою“ и „содержаніемъ“ возможно истинное соединеніе: форма, не теряя своего абсолютнаго значенія, должна предстать въ видѣ *осуществленнаго дѣянія*, а содержаніе, не теряя своей дѣйствительности и жизненной полноты, должно предстать въ видѣ *абсолютной цѣнности*. Однако такое соединеніе для разсудочной морали неосуществимо.

Если бы долгъ получилъ образъ осуществленнаго дѣянія,

¹⁾ Recht. 189 — 191.

²⁾ Срв. W. Beh. 355.

³⁾ Recht. 191. 205 (Z).

то все моральное ученіе оказалось бы опровергнутымъ, ибо оно покоится на чисто нормативномъ, чисто формальномъ, регулятивно-безконечномъ пониманіи долга. Точно также, если бы осуществленное дѣяніе получило значеніе абсолютной цѣнности, то отъ моральнаго ученія не осталось бы ничего, ибо оно покоится на *утвержденіи* эмпирически-чувственнаго, опороченнаго характера всякаго реальнаго человѣческаго поступка. Но справедливость требуетъ признать, что моралисты и не стремятся къ такому *адекватному наполненію идеи добра*; напротивъ, они поддерживаютъ *принципіальную разведенность* абсолютной формы и эмпирическаго содержанія. Долгъ остается чистою и пустою нормою; дѣйствіе человѣка остается чувственно-эмпирическимъ, конечнымъ, единичнымъ и несовершеннымъ поступкомъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ соединеніе формальной абстракціи съ конкретно-эмпирическою единичностью остается эфемернымъ и безплоднымъ. Содержаніе присоединяется къ долгу случайно и гипотетически ¹⁾; форма примѣняется къ содержанію какъ къ чему-то внѣшнему и несущественному. И, если бы кто-нибудь попытался выдать эту связь за *конкретную* и *цѣлостную*, онъ убѣдился бы въ „неправомѣрности“, „противоразумности и безнравственности“ ²⁾ своей попытки; нельзя простымъ подведеніемъ эмпирической единичности подъ формальную абстракцію возводить ея конечное и условное содержаніе въ сферу абсолютнаго достиженія ³⁾: это значило бы поставить содержаніе добра въ зависимость отъ личнаго произвола, ибо каждый „подведетъ“ подъ понятіе долга и провозгласитъ „идеальнымъ“ то содержаніе, въ идеализаціи котораго онъ заинтересованъ.

Замѣчательно, что самъ Кантъ не впадаетъ въ подобную деградацию ⁴⁾, и это объясняется тѣмъ, что въ его личной

1) Срв. W. Beh. 354.

2) W. Beh. 354.

3) Срв. W. Beh. 353, 354, 355, 356.

4) „Degradation“. Recht. 196.

душѣ была таинственная опора, изъ которой онъ и почерпалъ рѣшеніе для всѣхъ конкретныхъ вопросовъ. Этою опорю была его добрая, полная живого нравственнаго содержанія воля, которая указывала ему, что людямъ, какъ духовнымъ ноуменальнымъ монадамъ, необходимо жить, довѣрять другъ другу и творить миръ на землѣ. Однако его моральное ученіе *не* раскрываетъ духовнаго содержанія этой абсолютной основы духа, оно говоритъ лишь о пустой формѣ, настаивая на томъ, что всякое содержаніе — дается эмпирически и въ сущность добродѣтели не входитъ. Поэтому философская позиція Канта должна быть признана раздвоенной и несостоятельной: онъ самъ рѣшаетъ вопросъ о добрѣ и злѣ *не тѣми путями*, на которые *указываетъ другимъ* въ своихъ основоположеніяхъ и самаго существеннаго онъ *не раскрываетъ*. Ибо самымъ существеннымъ въ этикѣ всегда останется вопросъ о *содержаніи* добра.

Такова *безсодержательность* моральнаго ученія. —

Естественно, что въ основаніи такой противорѣчивости и пустоты должны лежать глубоко ошибочныя допущенія. И, дѣйствительно, моральное ученіе *ошибочно* въ самыхъ истокахъ и корняхъ своихъ.

Основной и первоначальный дефектъ морали, изъ котораго проистекають всѣ остальные ея заблужденія и несчастья, состоитъ въ томъ, что она развиваетъ точку зрѣнія *особенной, субъективной, личной воли человека*, ищущей добра, но оторвавшейся отъ своей *истинной, субстанціальной и всеобщей сущности*. Въ этомъ отрывѣ она не можетъ увидѣть настоящаго положенія вещей и принимаетъ добро *не за содержательную перво реальность*, а за *формальный конечный идеалъ*. Воля утверждаетъ себя, какъ лично-субъективную, а добро, какъ противостоящую ей, отвлеченную норму. Къ этому и сводятся ея основныя ошибки.

Во-первыхъ сущность добра невозможно раскрыть въ терминахъ *лично-субъективной воли человека* ¹⁾. Добро въ

¹⁾ Срв. Glaub. 153. W. Beh. 396. 411. Phän. 502. Log. III. 323. Recht. 148. 149. 188—209. 210—211 и др.

своемъ истинномъ метафизическимъ значеніи есть „конечная цѣль и сила міра“, а совсѣмъ не только „наше“, чело-вѣческое добро, или „моральный законъ нашего практическаго разума“ ¹⁾. Гегель рѣшительно возстаетъ противъ „очеловѣченія“ идеи добра, противъ чисто *антропологическаго* пониманія этики: чело-вѣкъ есть лишь необходимый этапъ *Божія пути* и поэтому все ученіе о „чело-вѣкѣ“ и „чело-вѣческомъ“ должно быть возведено на *космологической*, т.-е. *теологической* основѣ: добро должно быть понято, какъ *само Божество*, а добродѣтель, какъ *божественное состояніе чело-вѣческаго духа*.

Въ противоположность этому мораль превращаетъ добро въ *чело-вѣчскій* идеаль, а добродѣтель — въ правильное состояніе *единичной чело-вѣческой души*; этимъ она низводитъ этику въ предѣлы чело-вѣческаго самочувствія и самосознанія и превращается сама въ идеологию „слишкомъ-чело-вѣческаго“. Каждый чело-вѣкъ есть для нея замкнутая, изолированная единичность; каждый поступокъ — единичное, конечное дѣяніе. Весь вопросъ о добрѣ и злѣ сводится къ тому, каковъ былъ мотивъ даннаго чело-вѣка въ данномъ случаѣ и удалось ли ему насладиться чувствомъ исполненнаго долга. Вся мораль можетъ быть сведена къ желанію индивидуума исполнить свой долгъ и къ сознанію его, что „долгъ исполненъ“ ²⁾. Все сводится къ личному душевному самочувствію и въ концѣ-концовъ оказывается, что для добродѣтельнаго чело-вѣка характерна не скромность ³⁾ и не забвеніе о себѣ ⁴⁾, а горделивое самопревознесеніе ⁵⁾ и самоуслажденіе своей мнимой добродѣтелью ⁶⁾. Отсюда недалеко и до „черстваго самомнѣнія“ ⁷⁾ фарисеевъ ⁸⁾, до

¹⁾ Enc. I. 119. Курсивъ Гегеля.

²⁾ Срв. Nohl. 272. Phän. 486. Würt. 317.

³⁾ Срв. Würt. 317.

⁴⁾ Glaub. 150.

⁵⁾ Nohl. 272.

⁶⁾ Срв. Würt. 317.

⁷⁾ „hartsinniger Dünkel“. Nohl. 266.

⁸⁾ Glaub. 150.

нелюбовнаго и презрительнаго осужденія другихъ ¹⁾, имѣвшихъ несчастіе не исполнить своего долга, и до лицемѣрнаго выдаванія себя, за цѣлостно-добродѣтельное существо ²⁾. Такая душа творитъ свое собственное несчастіе: она устанавливаетъ и „закрѣпляетъ“ тѣ правила и мѣрила, *подъ* которыми пытается удержать другихъ, и не замѣчаетъ, что она сама нашла въ нихъ свой *предѣлъ*, что она слѣпнетъ по отношенію къ своимъ *собственнымъ* ошибкамъ, что она живетъ *непримиренная*, изнемогая *подъ* бременемъ своей *ненавидящей строгости* ³⁾. Для такой души есть только одинъ исходъ: похоронить въ своемъ сердцѣ свою вину и свои страданія, забыть объ этой могилѣ ⁴⁾ и о себѣ и вступить въ сферу самозабвенной, чистой нравственности ⁵⁾.

Во-вторыхъ, сущность добра невозможно раскрыть въ терминахъ *отвлеченно-нормативной* морали потому, что добро есть прежде всего — *свобода*, а мораль истинной свободы не знаетъ.

Безспорно, моралистъ стоитъ на вѣрномъ пути, полагая сущность добродѣтели въ *автономіи воли* ⁶⁾. Но вѣрный путь не приводитъ его къ вѣрной цѣли: его автономія не спасетъ душу отъ несвободнаго состоянія. Недостаточно *знать* свой законъ и не имѣть никакой иной связи, кромѣ самостоятельно установленной ⁷⁾ нормы; необходимо еще, чтобы этотъ законъ былъ *понятъ*, т.-е. „понять“ въ своей дѣйствительности ⁸⁾, чтобы онъ не противостоялъ субъекту, какъ нѣкое идеальное инобытіе ⁹⁾, чтобы человекъ *видѣлъ себя самого* въ этомъ законѣ ¹⁰⁾, а не только со-знавалъ бы его, какъ неосуществленное заданіе. *Законъ долженъ*

¹⁾ Nohl. 272. 273.

²⁾ „sich zum ganzen heucheln“. Nohl 273.

³⁾ Срв. Nohl. 287.

⁴⁾ Срв. Aphor. I. 551.

⁵⁾ Срв. Glaub. 151.

⁶⁾ Срв. Phän. 453.

⁷⁾ Срв. Phän. 453.

⁸⁾ Срв. Phän. 461.

⁹⁾ Ibidem.

¹⁰⁾ Ibidem.

·*быть вѣрнымъ отраженіемъ моей дѣйствительности; иначе я не свободенъ въ немъ, но подчиненъ ему. Если „всеобщее“ тяготѣетъ надъ душою ¹⁾, то оно тяготитъ душу. Если долгъ остается „требованіемъ“ ²⁾, „объективнымъ“ ³⁾ идеаломъ, то онъ господствуетъ, а душа человѣка стоитъ *подъ* его господствомъ ⁴⁾. Тогда душа „подавлена“ ⁵⁾. Она раскалывается на господина и „холопа“ ⁶⁾; она принуждаетъ и насиловать себя ⁷⁾; она покоряется ⁸⁾ и повинуется ⁹⁾; она угнетаетъ себя своимъ собственнымъ закономъ ¹⁰⁾. И страннымъ образомъ воображаетъ себя, несмотря на все это,—свободною.*

Моральная душа есть душа, запутавшаяся въ противорѣчій, блуждающая въ пустотѣ и утратившая свою основу. Она ищетъ добра, но не знаетъ, какъ познать его; она стремится къ добродѣтели и цѣльности, но остается въ расколѣ; она добивается свободы и создаетъ себѣ добровольное угнетеніе.

И, тѣмъ не менѣе, моральное состояніе есть необходимый этапъ въ спекулятивномъ ряду духовнаго освобожденія.

Моральная душа есть средняя ступень между абстрактнымъ правомъ и нравственностью. Она выше перваго, ибо живетъ внутреннимъ, центростремительнымъ тяготѣніемъ и обращена ко всеобщему. Но она ниже нравственной души, ибо не достигаетъ истинной цѣльности, истинной свободы и истинной всеобщности.

¹⁾ Срв. Nohl. 265—266.

²⁾ „Forderung“, Phän 455. Recht. 151. 153; „Postulat“. Log. III. 323. Enc. III. 428.

³⁾ Nohl. 263. 266. 288.

⁴⁾ Срв. Nohl. 268.

⁵⁾ „unterdrückt“. Nohl. 266.

⁶⁾ „Knechtschaft“. Nohl. 263. 266. 293.

⁷⁾ „Selbstzwang der kantischen Tugend“. Nohl. 293.

⁸⁾ „Unterwerfung“. Nohl. 293.

⁹⁾ „Gehorsam“. Nohl. 266.

¹⁰⁾ Срв. Nohl. 293.

Мораль не можетъ быть отвергнута совсѣмъ. Во-первыхъ потому, что она есть форма жизни, умѣстная въ обычномъ, банальномъ сознаниіи, не восходящемъ къ спекулятивному созерцанію. Она сохраняетъ „свое мѣсто и свое значеніе въ сферѣ конечнаго, гдѣ она поддерживаетъ“ абсолютное ¹⁾ „въ противовѣсъ ограниченному и утверждаетъ его, какъ правило и какъ существенное въ противоположность ничтожному“ ²⁾ и порочному. Мораль, правда, безсильна подняться къ *абсолютному единству* безконечнаго и конечнаго и утверждаетъ ихъ „относительное тождество“ ³⁾: идея добра только „сознается конечною душою“; и тѣмъ не менѣе мораль остается „отраженіемъ“ абсолютной нравственности ⁴⁾, и въ своемъ *истинномъ*, благородномъ значеніи она является ея достойнымъ преддверіемъ.

Во-вторыхъ, мораль не можетъ быть отвергнута совсѣмъ потому, что она при всей своей односторонности и ограниченности развиваетъ рядъ опредѣленій, *органически* входящихъ въ высшее, нравственное состояніе. Моральная воля не есть цѣликомъ—неправая воля, какъ это могло бы показаться послѣ суровой критики самого Гегеля; напротивъ, она осуществляетъ цѣлый рядъ *необходимыхъ* и потому „*правыхъ*“ состояній, внѣ которыхъ невозможна жизнь духа на землѣ. Всѣ эти правыя состоянія необходимы потому, что въ нихъ и черезъ нихъ воля продолжаетъ утверждать и раскрывать свое *самоопредѣленіе*, т.-е. свою свободу. Они необходимы для *свободы воли* такъ, какъ воздухъ необходимъ для жизни человѣка, и потому воля притязаетъ на ихъ бытіе и соблюденіе съ полнымъ основаніемъ: это ея *права свободы*, столь же священныя во внутренне-моральной сферѣ, сколь священны были абстрактно-вещныя права свободы въ сферѣ внѣшне-правовой. Ни одно изъ нихъ не можетъ быть ни утрачено, ни опущено, ни поправлено, ибо.

1) „das Ansichsein“. Log. I. 146.

2) Log. I: 146.

3) „relative Identithät“. W. Beh. 348—349.

4) „Reflex“. W. Beh. 397.

только цѣлокупность ихъ можетъ породить переходы къ высшему.

Моральная воля есть, прежде всего, *дѣйствующая* воля: творческая активность входитъ въ самую волевую сущность ея. Но дѣйствовать—значитъ проявляться во внѣшнемъ мірѣ (*Aeusserung*) ¹⁾, значитъ выходить изъ состоянія внутренней, самодовлѣющей замкнутости и вступать въ среду эмпирическаго и конечнаго бытія. Въ этомъ смыслѣ составъ моральнаго дѣйствія имѣется налицо и раньше, въ предѣлахъ права, такъ что каждое правовое дѣяніе и проявленіе имѣетъ въ себѣ и моральную сторону, но только въ потенциальномъ, непроявленномъ для сознанія видѣ. Тотъ, кто дѣйствуетъ, тотъ производитъ измѣненія въ наличномъ, данномъ существованіи ²⁾ міра; онъ знаетъ съ внѣшнимъ эмпирическимъ бываніемъ ³⁾ и, слѣдовательно, подвергаетъ себя законамъ эмпирической случайности-необходимости ⁴⁾. Поэтому, для безконечной воли, *дѣйствовать*—значитъ подвергать себя въ состояніе *конечности* и *раздвоенія* ⁵⁾: предавать одну сторону своего существа дурнымъ законамъ конкретнаго-эмпирическаго міра и тѣмъ принимать на себя вину ⁶⁾. Тотъ, кто дѣйствуетъ, тотъ пріемлетъ вину и страданіе ⁷⁾, подобно Божеству, пріявшему на себя вину и муку міросозиданія; и вина моральнаго дѣйствія есть въ скрытой сущности вещей, вина не единичнаго человѣка, но самой субстанціальной всеобщности ⁸⁾. Правда, моральная воля этого еще не знаетъ, и познаётъ это лишь на высшей ступени; но по существу ея незнаніе не мѣняетъ ничего, и вина слѣдуетъ за ней по пятамъ. „Невинно

¹⁾ Recht. 154. 155.

²⁾ Recht. 157.

³⁾ „denn der Mensch muss sich handelnd mit der Aeusserlichkeit abgeben“. Recht. 162 (Z).

⁴⁾ „Handeln heisst... sich diesem Gesetze preis geben“. Recht. 160; срв. 159.

⁵⁾ „Entzweiung“. Phän. 350. ^

⁶⁾ Phän. 350.

⁷⁾ Срв. „nie hat die Unschuld gelitten, jedes Leiden ist Schuld“. Nohl. 284.

⁸⁾ Phän. 351; срв. Recht. 186 (Z).

только бездѣйствіе, подобное бытію камня“ ¹⁾. Но и бездѣйствіе не даетъ человѣку невинности. Наоборотъ, тотъ, кто ищетъ спасенія въ пассивности, тотъ губитъ себя: ибо онъ чуждается путей дѣйствующаго, и страдающаго, и не боящагося вины, восходящаго къ свободѣ Духа ²⁾. И даже бытіе ребенка включаетъ въ себя вину ³⁾.

Отсюда вытекаетъ *необходимость вины* для добродѣтельной воли: ибо воля есть сама активность, само дѣйствіе, а дѣйствовать значитъ быть виновнымъ ⁴⁾. Вотъ почему Гегель высказываетъ парадоксально звучащее утвержденіе, что „добродѣтель исключаетъ невинность“ ⁵⁾.

Однако вступая во внѣшній міръ и влетая свое творческое воздѣйствіе въ сложные клубки эмпирическихъ обстоятельствъ, воля признаетъ *своимъ созданіемъ* лишь то, что она заранѣе предусматривала и включала въ свою цѣль ⁶⁾. Воля имѣетъ *право знать* ⁷⁾ то, что она дѣлаетъ; она имѣетъ право дѣйствовать со-знаніемъ и вмѣнять себѣ въ вину лишь то, что входило въ ея *предначертаніе* ⁸⁾. Это означаетъ, что не всѣ послѣдствія человѣческаго поступка (That) входятъ въ „дѣйствіе воли“ (Handlung), но лишь тѣ, которыя порождены ея творческою цѣлью,—для которыхъ ея цѣль была творящею „душою“ ⁹⁾. Все „вторгающееся извнѣ“ и „привходящее случайно“ ¹⁰⁾ связано съ *поступкомъ* эмпирическими связями, но не входитъ въ духовный и существенный составъ *дѣйствія*; поэтому воля имѣетъ право признать все это чужероднымъ, не „имманентнымъ“ „собственной“ при-

¹⁾ Phän. 350; срв. Aphor. I. 545.

²⁾ Срв. Nohl: 286.

³⁾ Phän. 350.

⁴⁾ Срв.: die Schuld „kann das Bewusstsein, weil es handelte, nicht verläugnen“. Phän. 556.

⁵⁾ „Virtus innocentiam tum agendi tum patiendi excludit“. Ros. 159.

⁶⁾ Recht. 156—158.

⁷⁾ „Recht des Wissens“. Recht. 158; срв. Phän. 349.

⁸⁾ „Vorsatz“. Recht. 156—160.

⁹⁾ Recht. 159—160.

¹⁰⁾ Recht. 159.

родѣ дѣйствія, совершеннаго ею ¹⁾. При этомъ необходимо, чтобы сознание дѣйствующаго не только предвидѣло *воображеніемъ* свою цѣль, какъ нѣкое грядущее единичное событіе, но чтобы оно отдавало себѣ отчетъ въ ея *всеобщихъ* свойствахъ и въ ея духовномъ значеніи, чтобы душа *знала* свое дѣйствіе *мыслью* и желала его знаніемъ ²⁾. Тогда только предначертаніе будетъ *намѣреніемъ* ³⁾, подлежащимъ вмѣненію, а дѣйствующая воля будетъ стоять на духовной высотѣ.

Рядомъ съ необходимостью *вины* и *намѣренія*, утверждающихъ „объективную“ свободу моральной воли, стоитъ необходимость субъективнаго *удовлетворенія* воли, выносимаго ею отъ своего дѣйствія. Моральная воля имѣетъ право осуществлять ту собственную, особенную цѣль, которая утверждена ея желаніемъ и движетъ ее къ дѣйствію ⁴⁾; тогда ея дѣйствіе получаетъ для нея „субъективную цѣнность“ и приковываетъ къ себѣ ея интересъ ⁵⁾. Воля имѣетъ священное право связать *свой интересъ* съ тѣмъ, что она творитъ въ жизни, такъ, чтобы *достиженіе цѣли* давало бы ей удовлетвореніе ⁶⁾. Это совсѣмъ не означаетъ, что воля имѣетъ право дѣйствовать своекорыстно ⁷⁾; нѣтъ, своекорыстіе состоитъ въ предпочтеніи особеннаго, лично-единичнаго содержанія передъ „объективною“, всеобщю, духовно-правую цѣлью, тогда какъ моральная воля осуществляетъ именно „ненарушимое и всеобщее“ добро. Но воля человека есть прежде всего единая и цѣльная страсть *духа*, ищущая полнаго удовлетворенія своей разумной и благой природѣ. Моральная воля есть, согласно этому, *субъективная жажда духовнаго* удовлетворенія: это значитъ, что она стремится къ абсолютно-правой цѣли ⁸⁾ и въ достиженіи ея

¹⁾ Recht. 159.

²⁾ Recht. 161—163. 173.

³⁾ „Absicht“. Recht. 161. 162.

⁴⁾ „mein Zweck“, „Beweggrund“. Recht. 164 (Z).

⁵⁾ Recht. 164.

⁶⁾ „Befriedigung“, „Genüge thun“. Recht. 164 (Z).

⁷⁾ „Selbstsucht“. Enc. III. 371; срв. Recht. 165.

⁸⁾ „an und für sich geltender Zweck“. Recht. 166.

видитъ свое субъективное удовлетвореніе. Намѣреніе ея по существу приковано къ разумному, движется имъ и опредѣляется ¹⁾; но это намѣреніе воля признаетъ своимъ собственнымъ и съ нимъ связываетъ свой личный интересъ. Это *право субъективной свободы* ²⁾ впервые выговорено христіанствомъ въ ученіи о любви ³⁾ и разсудочная мораль напрасно отказываетъ въ немъ человѣческой душѣ, исключая всѣ побужденія личнаго интереса ⁴⁾. Когда личный интересъ насыщенъ субстанціальной цѣлью разума ⁵⁾, когда онъ нашелъ въ ней себя,—тогда онъ *правъ и свободенъ*, и вопіять о своекорыстіи героя можетъ только духовный плебей ⁶⁾, который судить обо всемъ по себѣ.

Въ такомъ пониманіи моральное дѣйствіе начинается въ нѣкую жизненную цѣльность, а весь рядъ субъективныхъ интересовъ и дѣйствій составляетъ живого человека ⁷⁾.

И вотъ, взятая въ цѣломъ, моральная свобода воли можетъ быть выражена, какъ право *самостоятельно знать добро, личнымъ интересомъ желать его и личнымъ дѣйствіемъ осуществлять его*. Это указываетъ на то, что въ самомъ основаніи моральной воли и ея жизни лежитъ *свобода совѣсти*.

† *Совѣсть есть знаніе добра*.

Отношеніе человѣческой души къ добру должно быть именно *знающимъ*, т.-е. *мыслящимъ* ⁸⁾ и притомъ спекулятивно-мыслящимъ. Добро есть нѣчто субстанціальное и *всеобщее*; оно есть *сущность*. Поэтому оно можетъ быть воспринято человекомъ лишь посредствомъ того органа, который самъ существенъ, субстанціаленъ и всеобщъ; таково *разумное мышленіе* ⁹⁾.

¹⁾ Recht. 166.

²⁾ Recht. 166.

³⁾ Срв. Recht. 166—167.

⁴⁾ Recht. 167.

⁵⁾ Срв. Recht. 167.

⁶⁾ „Kammerdiener“. Recht. 169.

⁷⁾ Срв. Recht. 166. 170.

⁸⁾ Recht. 173. 174.

⁹⁾ Срв. Recht. 173—174.

Абсолютнымъ неотъемлемымъ правомъ каждой чело-
вѣческой души является самостоятельное знаніе добра ¹⁾
черезъ посредство совѣсти. Это право есть *свобода совѣсти*.
Каждый человѣкъ воленъ, во-первыхъ, не признавать ничего,
кромѣ того, что онъ самъ „въ себѣ и изъ себя“ позналъ,
какъ Добро, и во-вторыхъ, признавать то, что онъ знаетъ
и желаетъ, какъ Добро — истиннымъ правомъ и истинною
обязанностью ²⁾. Однако *правъ* ли онъ въ своемъ исповѣда-
ніи, это узнается лишь по содержанію того, что онъ вы-
даетъ за абсолютное добро ³⁾. Субъективное, свободное
обращеніе и исповѣданіе не искажаетъ объективно-сущаго
добра и не умаляетъ его значенія ⁴⁾. Исповѣданіе должно
быть *истиннымъ* и потому подлежить критическому разсмо-
трѣнію, въ которомъ ссылка на „свое убѣжденіе“ имѣетъ
столь же мало значенія ⁵⁾, сколько ссылка на свое „мнѣ-
ніе“ передъ лицомъ суда, государства и науки ⁶⁾. Свобода
совѣсти не должна пониматься, какъ „отмѣна“ истиннаго
знанія и отверженіе абсолютнаго бытія.

Возникновеніе истинной совѣсти выходитъ уже за пре-
дѣлы морали. Ибо истинная совѣсть раскрываетъ *содержа-
тельную реальность* ⁷⁾, а моральная совѣсть говоритъ лишь о
долгѣ и не знаетъ абсолютнаго содержанія ⁸⁾. Совѣсть мо-
ральнаго человѣка есть знаніе формальное ⁹⁾; она не ка-
сается непосредственно содержательныхъ глубинъ всеобщей
воли и потому легко ведетъ къ „мнѣніямъ и ошибкамъ“ ¹⁰⁾.
Абсолютная самостоятельность предметнаго знанія легко
превращается здѣсь въ произвольное и безпредметное усмо-

1) „Recht der Einsicht in das Gute“. Recht. 174; срв. 180.

2) Recht. 180—181.

3) „aus dem Inhalt dieses Gutseinsollenden“. Recht. 174.

4) „thut keinen Eintrag“, „bleibt fest stehen“. Recht. 174; срв. 190.

5) Срв. Recht. 192. 193. 194. 195. 196. 197.

6) Срв. Recht. 175. 181.

7) Срв. Recht. 171. 172. 172 (Z). 181.

8) Recht. 177 — 179. 180. 182 (Z).

9) „Einsicht“. „formell“. Recht. 174. 180. 182.

10) Recht. 174.

трѣніе, въ пустую видимость автономіи¹⁾); тогда *досто-
вѣрность видѣнія* вырождается въ субъективную увѣрен-
ность²⁾ и моральный субъектъ оказывается абстрактною
властью, которая судить и рѣшаетъ, какъ ей угодно, и по
желанію „улетучиваетъ въ себѣ“³⁾ всѣ опредѣленія и свой-
ства добра. Эта власть можетъ признать случайно и абсо-
лютное добро, но можетъ сдѣлать своимъ принципомъ и свое
личное, особенное содержаніе, поставить его выше всеобща-
го и приступить къ его осуществленію. Формальная, субъек-
тивная „совѣсть“ всегда готова обратиться ко *злу*⁴⁾.

Именно на этомъ пути возникаютъ такія „явленія міра“⁵⁾,
какъ „нечистая совѣсть“: она знаетъ истинное добро, срав-
ниваетъ его со своими особенными цѣлями и выбираетъ
именно эти послѣднія⁶⁾; если же она пытается оправдать
свой выборъ, то она обращается къ обманамъ лицемѣрія⁷⁾
или къ „пробабилизму“ іезуитовъ⁸⁾. По такому же скольз-
кому пути ведутъ ученія, утверждающія, что добро вооб-
ще непознаваемо⁹⁾, или что оно не имѣетъ единого абсо-
лютнаго содержанія¹⁰⁾ и т. под. Но особенную злокачествен-
ность укрываетъ въ себѣ „иронія“ романтиковъ, провозгла-
шающая верховенство эмпирической личности¹¹⁾. Послѣ-
дователь „ироническаго“ міровоззрѣнія знаетъ, что такое
объективная нравственность, но утверждаетъ въ противо-
вѣсъ ей свой личный произволь¹²⁾; онъ видитъ въ себѣ
владыку, стоящаго *надъ* закономъ и предметомъ¹³⁾, и само-

1) Срв. Recht. 180.

2) Ibidem.

3) „Verflüchtigt in sich“. Recht. 182.

4) Recht. 184.

5) Не „образы міра“.

6) Recht. 189.

7) Recht. 191.

8) Recht. 191.

9) Срв. Recht. 196.

10) Срв. Recht. 196. 197. 198. 199.

11) Recht. 201 Anm.

12) Recht. 203.

13) Recht. 203. 206. (Z).'

довольно наслаждается тщетою своихъ суетныхъ желаній и проявленій ¹⁾).

Такова послѣдняя опасность моральнаго міровоззрѣнія, вырастающая изъ его истинной глубины. *Совѣсть* есть тотъ актъ духа, отъ котораго расходятся пути: одинъ ведетъ на край зла и пошлости, другой—къ преодолѣнію морали и исцѣленію душевнаго раскола.

Это исцѣленіе ведетъ свое начало отъ новаго пониманія *существенности* добра, открывающагося для истиннаго совѣстнаго прозрѣнія. Если мораль утверждала, что добро существенно для души въ качествѣ долга, то истинная совѣсть утверждаетъ, что добро есть *реальная сущность* духа. Оно есть сущность духа не потому, что только душа, вѣрная долгу, имѣетъ „цѣнность и достоинство“ ²⁾, но потому, что оно есть *подлинная, глубочайшая* реальность, скрытая въ духѣ отъ *моральнаго сознанія*, но открытая *нравственному сознанію*. „Добро есть существо воли въ ея субстанціальности и всеобщности“; это есть сама воля въ ея истинной сущности ³⁾. Добро не идеаль, къ которому воля *должна* стремиться, а первореальность, которую она должна осознать въ себѣ самой и съ которой она можетъ сознательно слиться такъ, какъ она уже сращена и слита съ ней безсознательно. Добро есть скрытая въ каждомъ изъ насъ и движущая насъ *всеобщая воля*. Въ этомъ Гегель остается всегда близкимъ къ ученію Руссо.

Естественно, что моральное сознаніе, постигнувъ эту истину, перестаетъ быть моральнымъ сознаніемъ.

О нравственности.

Въ философіи Гегеля нѣтъ проблемы болѣе сложной и болѣе затруднительной для пониманія, чѣмъ проблема *спекулятивной нравственности* (*Sittlichkeit*). Самый уровень, на

¹⁾ Срв. *Recht*. 203.

²⁾ „*Werth und Würde*“ *Recht*. 172.

³⁾ *Recht*. 173, срв. 176. 193.

которомъ развертывается и живетъ этотъ новый „міровой образъ“, занимаетъ какъ бы центральное положеніе во всемъ восходящемъ ряду ступеней: въ сконцентрированномъ, сосредоточенномъ видѣ собирается здѣсь все богатство предшествовавшихъ опредѣленій, для того, чтобы претвориться въ нѣкую классическую простоту *народной нравственности* и въ дальнѣйшемъ произраститъ изъ себя „прекрасное искусство“, „абсолютную религію“ и, наконецъ, высшую изъ возможностей — „истинную философію“. Общій законъ спекулятивной жизни, согласно которому высшая ступень осуществляется только въ функціи низшихъ ступеней, приводитъ къ тому, что образъ „нравственности“ подводитъ какъ бы итогъ *всѣмъ* низшимъ состояніямъ, включая ихъ въ себя и, такъ сказать, „выговаривая“ себя въ ихъ терминахъ. При этомъ, оставаясь въ сферѣ „*дѣйствительности*“, обреченной на двойственный составъ, образъ нравственности слагается въ результатъ побѣды „конкретнаго-спекулятивнаго“ надъ „конкретнымъ-эмпирическимъ“ въ такой области, въ которой чувственная видимость явно *не* уступаетъ побѣждающей силѣ духа: философія нравственности учитъ о *спекулятивномъ сращеніи тѣлесно разведенныхъ* людей.

Именно эта невозможность адекватно воспринять образъ нравственности въ элементѣ *чувственного существованія*, трудность видѣть тѣлесными глазами то, что предносится внутреннему оку, невозможность подчинить вещественное осуществляющемуся строю *конкретной* нравственности, — составляетъ, объективно говоря, основной дефектъ этого мірового образа, а субъективно говоря, основное затрудненіе въ дѣлѣ его пониманія. На всѣхъ послѣдующихъ ступеняхъ мірового восхожденія чувственный матеріаль или открыто слѣдуетъ зову и закону спекулятивной стихіи, какъ въ искусствѣ и религіи, или же совсѣмъ „снимается“ ею, какъ въ спекулятивной философіи. Но въ нравственности состояніе незримой субстанціи и состояніе видимаго явленія еще не сливаются въ единомъ способѣ бытія и это

требуетъ особаго познавательнаго напряженія отъ изслѣдователя. Философу, изслѣдующему сущность спекулятивной нравственности, приходится не вѣрить явленію, не принимать его навязывающихся свойствъ и непрестанно разоблачать скрытую за ними „конкретность“. Философъ долженъ увѣренно созерцать незримое, скрытое за видимостью того эмпирическаго обстоянія, которое настойчиво и упрямо твердитъ о своей самобытности: философъ долженъ здѣсь *вѣрить духовному опыту вопреки опыту чувственному* и добиться того, чтобы его „духовныя очи и тѣлесныя глаза совершенно совпали другъ съ другомъ“ ¹⁾. Въ этомъ *доверіи къ показаніямъ предметной интроспекціи*—ключъ къ пониманію всей философіи Гегеля и особенно его этики.

И вотъ, первое, чему научаетъ предметная интроспекція въ сферѣ нравственнаго, есть неизбежность *исцѣленія* человѣка отъ того внутренняго разрыва, къ которому онъ былъ приведенъ въ процессѣ правового и моральнаго самоосвобожденія.

Въ борьбѣ со своимъ тѣломъ и со своими естественными и непосредственными состояніями, душа человѣка уже поднялась до уровня *интеллектуальнаго духа* и утвердила себя, какъ *субъективно-свободную и субъективно-всеобщую волю*, т.-е. какъ *единую и цѣльную страсть духа*, нашедшую себѣ *достойный уровень жизни и ищущую полную удовлетворенія своей разумной и благой природѣ*. Однако первая же попытка создать себѣ такое свободное и достойное удовлетвореніе обратила ее къ вещественному инобытію и заставила ее сосредоточиться на своемъ *центробъжномъ* уклонѣ. Энергія духовной жизни была отозвана отъ центра и ввязалась въ сложный *периферическій* процессъ борьбы за свободу („право“). Въ этомъ отвлеченіи и уходѣ на поверхность жизни, единая и цѣльная воля повидимому раздѣлилась на двѣ стороны, какъ бы на двѣ отдѣльныя воли: во-первыхъ, особенную, субъективную, личную волю, живущую сознательно и потому „сущую-для-себя“, и, во-вторыхъ, всеобщую,

¹⁾ Lass. II. 465.

субстанціальную волю, живущую въ безсознательной глубинѣ и потому сущую лишь „по-себѣ“. Въ такомъ состояніи раздѣльности пребываетъ обычное, — эмпирическое и разсудочное, — сознание человѣка; оно остается въ немъ даже и тогда, когда, выстрадавъ себѣ „вещное“ и „договорное“ освобожденіе и осуществивъ до конца „неправду“ своего обособленія, оно приступаетъ къ внутреннему самоопредѣленію („мораль“).

Моральная воля, какъ таковая, стоитъ на вѣрномъ пути (центростремительной самодѣятельности), но живетъ въ отрывѣ отъ своей всеобщей и субстанціальной глубины; она остается личною, особенною волею, — *субъективнымъ исканіемъ* того, что по существу своему *сверхъ-субъективно*. Она, какъ уже выяснено, не вѣдаетъ основной тайны своего бытія, именно того, что *добро* есть ея собственная, *имманентная ей*, всеобщая *сущность воли*. И, не вѣдая ея, она растрчиваетъ свою энергію въ бесплодныхъ порывахъ, жизненныхъ противорѣчій, и непрестанныхъ самоугрызеніяхъ. Эти блужданія приводятъ ее къ тому, что она влачить свои дни въ несчастіи и духовной разоренности: жизнь, лишенная удовлетворенія, любви и радости, утратившая всякую гармонію, всякое подлинное, прекрасное содержаніе, полная недовѣрія къ себѣ и судорожныхъ насилій надъ собою — вотъ итогъ моральной слѣпоты и разорванности.

Это бѣдственное и мучительное состояніе ждетъ своего исцѣленія и исцѣленіе можетъ придти *только изъ глубины самой стражущей воли*. Моральное исканіе находитъ въ этой глубинѣ голосъ *совѣсти* и въ немъ — свой естественный конецъ.

Совѣсть есть *адекватное* знаніе *абсолютнаго добра*. То, что знается совѣстью, есть *само добро*, т.-е. Божественная сущность міра.

Согласно основному откровенію, составляющему *все содержаніе философіи*, добро не есть отвлеченный идеаль ¹⁾, но

¹⁾ Срв. напр. Log. III. 323. Recht. 194. 195. 200.

подлинная, хотя и сокровенная, сущность міра. Всюду, куда ни взглянетъ спекулятивно прозрѣвшее око, оно видитъ слѣды этой благой сущности, оно видитъ *присутствіе* добра, неразрывно сращеннаго съ міромъ и „поглощеннаго явленіями мірового развитія“, составляющаго ихъ „по себѣ“ сущее ядро и участвующаго въ ихъ дѣйствительности ¹⁾. Добро есть „всеобщая“ ²⁾ стихія, творящая и осуществляющая себя въ мірѣ и восходящая по его ступенямъ, къ *себѣ*, какъ „всеобщей и конечной *цѣли* міра“ ³⁾ (Аристотель).

Это означаетъ, что „истинное“ и „благое“ суть „одно и то-же; первое — въ сферѣ знанія, второе — въ сферѣ „воли“ ⁴⁾; что *весь* космосъ не чуждъ благодати Божіей; что онъ несомъ ея благою и всепроникающею силою; что онъ создается имманентно, изнутри, разумною стихіею божественнаго смысла, принявшаго на себя бремя эмпирическаго существованія и эмпирической раздробленности.

Поэтому тотъ, кто познаётъ дѣйствительный строй міра, познаётъ его какъ *явленіе Божіей силы и благодати*, и, обратно, тотъ, кто познаетъ идею самой благодатной силы, т. е. идею *абсолютнаго добра*, тотъ проникаетъ въ *имманентную* сущность дѣйствительности. Эта „разумная“ сущность міра раскрывается философу, какъ сила *побѣдившая* эмпирической матеріаль, подчинившая его себѣ и отождествившая себя съ нимъ: она вступила въ него, пронизала его сумрачную ткань своимъ свѣтомъ, превратила его въ свой вѣрный „образъ“. Совѣсть и есть адекватное познаніе этого „образа“, являющагося въ видѣ *человѣческой воли*.

Совѣсть познаётъ *добро*, какъ благодатную, всеобщую силу, таившуюся доселѣ въ глубинѣ души, въ „отрывѣ“ отъ „особенной“, субъективной воли человѣка. Она познаетъ, что „особенная“ воля, мнившая себя самостоятельной величиной, утверждавшая себя въ „отрывѣ“ отъ „всеоб-

¹⁾ Срв. Phän. 289.

²⁾ Срв. напр. Enc. III. 388. Recht. 179. 207. Rel. I. 199.

³⁾ Beweise. A. 464 (курсивъ автора).

⁴⁾ Rel. I. 336.

щаго“ — никогда не могла осуществить этого отрыва до конца: она всегда оставалась *реальной модификацией всеобщей воли*, — и тогда, когда она возставала против нея („преступление“), и тогда, когда она превращала ее содержание въ свой „неосуществимый идеаль“ (мораль). Самый „отрывъ“, который ставилъ ее въ трудное и ложное положеніе, *никогда* не имѣлъ характера реального раскола, разсѣченія, разлученія; это было состояніе незнанія, несознаванія, заблужденія, — отвернувшийся взоръ, померкшее видѣніе, забывшая память. Человѣкъ жилъ, погруженный въ свои „особенные“ интересы, не взирая на благодатные корни своего существа, фиксируя взоромъ и желаніемъ то, что *не* существенно, *не* субстанціально, гоняясь за мнимыми цѣнностями и угождая своимъ случайнымъ влеченіямъ. И все-таки огонь жизни, горѣвшій въ немъ, оставался божественнымъ огнемъ: „модусъ“ Божій, забывшій о своемъ „атрибутивномъ“ составѣ, оставался живымъ видоизмѣненіемъ Божества (Спиноза). Этимъ обезпечивалось его возрожденіе. И *совѣсть* оставалась источникомъ этого возрожденія.

Совѣсть раскрываетъ человѣческому сознанию, что истинное положеніе дѣлъ не соотвѣтствуетъ мнимому, т.-е., что *особенная воля* остается всегда *модификацией всеобщей воли*, и что, слѣдовательно, добро сокрыто не въ „идеальной дали“, а въ *природѣ самой воли*. „Добро есть вообще сущность воли (das Wesen des Willens) въ ея субстанціальности и всеобщности—воля въ ея истинности“.¹⁾ „Существенно и доброкачественно (wesentlich und gut) суть помимо всего (термины) равнозначущіе“²⁾; и „доброкачественно (gut) то, что по отношенію къ волѣ существенно“³⁾. „Добро есть сама по себѣ опредѣленная“ Всеобщность „воли“, которая, именно въ силу этого „включаетъ въ себя“ ея „особенность“⁴⁾; добро есть „субстанція“ воли⁵⁾, которой необходимо всту-

¹⁾ Recht. 173.

²⁾ Recht. 193.

³⁾ Recht. 193.

⁴⁾ Enc. III. 388.

⁵⁾ Recht 172.

пить въ дѣйствительность „черезъ посредство особенной воли“¹⁾; и это вступленіе придаетъ добру осуществленную полноту бытія; оно дѣлаетъ его дѣйствительнымъ „образомъ міра“. Поэтому можно сказать, что добро въ своемъ зрѣломъ и цѣлостномъ видѣ есть „идея, какъ единство—*понятія воли и особенной воли*“²⁾, или, что то же: *спекулятивное тождество волевой субстанции и волевого существованія*.

Для того, чтобы представить себѣ „добро“, необходимо вообразить сближеніе, совпаденіе и, наконецъ, *конкретное тождество*, состоявшееся между всеобщей, правою и особенною, субъективною волею. Въ этомъ сращеніи обѣ стороны, на разлученіи которыхъ построено все моральное ученіе, вступаютъ одна въ другую, взаимно приѣмлютъ другъ друга и, согласно основному закону *спекулятивной конкретности*, творчески вработываются другъ въ друга, выражая себя въ ткани своего „другого“.

Субъективная, особенная воля, осуществляя свою *субъективность* въ познаніи добра, т.-е. свою самостоятельность и самобытность въ его обрѣтеніи и исповѣданіи, естественно приходитъ къ тому, чтобы обратить свой взоръ къ *субстанціальнымъ нѣдрамъ своего* существа и тѣмъ возстановить свое „видѣніе“ и свою „память“. Утомленная безсодержательностью и ирреальностью моральнаго идеала, она вынуждена обратиться къ *содержательной реальности* своего собственнаго „всеобщаго“ корня, какъ средоточію „абсолютной достовѣрности“³⁾. Но, такъ какъ „всеобщее-реальное“ улавливается и постигается только силою спекулятивнаго мышленія⁴⁾, а спекулятивная мысль устанавливаетъ тождество субъекта и объекта, то истинная совѣсть неизбежно ведетъ къ реальному *сращенію* особенной воли и всеобщей воли.

Для того, чтобы состоялось это сращеніе, духъ человѣка долженъ отважиться на величайшее самоуглубленіе⁵⁾; онъ

1) Recht. 172; срв. Recht. 176.

2) Recht. 171. Курсивъ Гегеля.

3) Recht. 179.

4) Recht. 173.

5) „Untergang in sich“ Recht. 180 (Z).

долженъ осуществить „глубочайшее, внутреннее одиночество съ самимъ собою, въ которомъ все внѣшнее и всякая ограниченность исчезаютъ“¹⁾ и человекъ оказывается нескованнымъ своими личными, особенными цѣлями. Въ такой цѣлостной спекулятивной сосредоточенности дурная субъективность угасаетъ²⁾ и особенная воля „наполняется“ благою сущностью Всеобщаго.

Это „наполненіе“ не есть актъ разсудочнаго познанія, результатомъ котораго является пріобрѣтенное „свѣдѣніе“. Нѣтъ; спекулятивное познаніе остается и въ этикѣ *метафизическимъ событіемъ реальною схожденія*, творческаго взаимопроникновения и обновленія сторонъ. Субъектъ и объектъ творчески обновляются и начинаютъ жить по-новому: слагается новый „образъ міра“,—образъ *нравственности*.

По общему закону спекулятивнаго мышленія созерцающее сознаніе отдается предмету, а предметъ завладѣваетъ субъективною мыслью: возникаетъ *новое бытіе*. Сущее „само по себѣ“—сокровенная, правая всеобщность,—дѣлается достояніемъ особеннаго сознанія и становится осознанной; но, такъ какъ субъективное сознаніе есть не что иное, какъ состояніе этой субстанціальной воли, то *осознанность* ея есть осознанность, выполненная *ею самою: всеобщая воля* вступила въ сферу *самосознанія*. Это можетъ быть выражено такъ, что „добро вступаетъ въ дѣйствительность и является въ видѣ существующаго самосознанія“³⁾. Всеобщая, благая стихія субъективной души принимаетъ форму особенной воли, вторгается, въ качествѣ абсолютной силы, въ сознательную жизнь человека, очищаетъ ее своимъ огнемъ и предстаетъ въ видѣ цѣлостной индивидуальности. *Добро* пріобрѣтаетъ въ лицѣ особенной человѣческой воли *существованіе*, становится *дѣйствительностью*, дѣйствительнымъ *образомъ міра*: трижды реальною *идеєю воли, образомъ нравственности*⁴⁾.

¹⁾ Срв: „durchgängige Zurückgezogenheit in sich“ Recht. 180 (Z).

²⁾ Срв. напр. Rel. I. 199.

³⁾ „daseiendes Selbstbewusstsein“. Phän. 582.

⁴⁾ Recht. 207. 208.

Соотвѣтственно этому обновляется и жизнь „особенной“ воли. Сознаніе ея, предавшись предмету, не подчиняется ему и не порабощается имъ; напротивъ, предметомъ совѣстнаго знанія является подлинная *сущность самого познающаго субъекта* и познаніе срашиваетъ субъекта съ его *собственными корнями*; а это означаетъ, что совѣсть сохраняетъ человѣку его *свободу*. Мало того, она впервые освобождаетъ его отъ моральнаго гнета и насилія, творившагося во имя „далекаго“ идеала; она впервые даетъ ему познаніе того, что „особенная“ воля есть въ ея *собственной сущности* — живое видоизмѣненіе субъективно-всеобщей воли, и что, поэтому, она не имѣетъ въ ея лицѣ *никакого инобытія*. „Особенная“ воля *прозрѣваетъ* въ отношеніи себя самой: она сознаетъ и признаетъ то, что *и безъ ея сознанія было налицо*, но невѣдѣніе чего повергало ее въ беспомощность и блужданіе. Она *пріемлетъ* свою собственную, открывшуюся ей благую природу, *какъ свою собственную*; сливается съ нею, наполняется ея духомъ и ея содержаніемъ, очищаетъ ея огнемъ всѣ свои желанія и цѣли, и освящаетъ ея святостью свои интересы, права и дѣйствія. Особенная воля познаетъ себя, какъ живое явленіе субъективно-всеобщей воли, а субъективно-всеобщую волю, какъ свою живую сущность.

Такъ возникаетъ новая дѣйствительность, именуемая *нравственной волею*. Актъ совѣсти, въ качествѣ истинно спекулятивнаго акта, есть сразу *актъ познанія и актъ созданія*: познающее, познавая, созидаетъ себя къ новой жизни, а создающееся—создается въ результатѣ спекулятивнаго познанія: Это можетъ быть выражено такъ, что всеобщая благая природа воли осознаетъ себя въ актѣ совѣсти; или такъ, что совѣстное само-сознаніе человѣка есть познаніе ~~имъ~~ своей божественной сущности; или еще такъ: благая сила Божія, скрытая въ глубинѣ субъективнаго духа („субъективно всеобщая воля“), познаетъ себя черезъ человѣческую совѣсть, какъ осуществленный и дѣйствительный образъ *нравственности*. Всѣ эти описанія относятся предметно къ единому событію.

Поэтому тезисъ „совѣсть есть знаніе добра“ можно раскрыть такъ: *совѣсть есть спекулятивное созерцаніе человѣческаго духа, осуществляющаго конкретное тождество субъективно-особенной и субъективно-всеобщей воли.* Въ этомъ тождествѣ созерцающее и созерцаемое суть едино: „субъективное знаніе и воленіе “есть то же самое, что „истинное добро“ ¹⁾; и обратно. „Добро“ не есть уже отвлеченный идеаль, но живая ²⁾, творческая сила, утвердившая себя въ качествѣ природы субъективнаго самосознанія ³⁾. Субъективное „знаніе и воленіе“ не предается уже произвольному шатанію, но движется въ единомъ, абсолютно-вѣрномъ руслѣ спекулятивнаго самоопредѣленія.

Понятно, что тождество двухъ воленій имѣло мѣсто и раньше, но оно оставалось доселѣ чѣмъ-то „природнымъ“, „внутреннимъ“ ⁴⁾, *безсознательнымъ.* Актъ совѣсти только вводитъ его въ сознаніе и раскрываетъ. Человѣкъ *всегда субстанціаленъ,* но ошибочно принимаетъ себя за эмпирическое явленіе. Онъ *всегда* скрываетъ въ себѣ начало *всеобщей воли,* но, заблуждаясь, принимаетъ себя за отвлеченную единичность. Въ глубинѣ духа онъ *всегда свободенъ,* но часто знаетъ себя только какъ душу, подверженную законамъ дурной необходимости.

Совѣсть вводитъ человѣка въ новый способъ жизни: онъ *начинаетъ жить въ сознательномъ тождествѣ съ субъективно-всеобщей волей,* не отличая себя отъ нея и ее отъ себя. Такое отождествленіе имѣетъ двоякія послѣдствія: во-первыхъ, оно обновляетъ *внутренній* строй душевной жизни, и, во-вторыхъ, оно открываетъ ему новое отношеніе къ *другимъ людямъ,* — *то и другое черезъ сліянiе съ объективно-всеобщей волею.*

Внутренній строй душевной жизни обновляется въ томъ смыслѣ, что человѣкъ достигаетъ истинной *правоты, свободы и цѣльности.*

¹⁾ Recht. 181-182.

²⁾ Recht. 210.

³⁾ Recht. 210.

⁴⁾ Срв. Lass II 466.

Правота духовной жизни возникает въ душѣ вслѣдствіе того, что особенная воля пріемлетъ свою скрытую, благую сущность и проникается ея содержаніемъ. Субъектъ не ищетъ уже добра внѣ себя, ибо онъ нашель его *въ себѣ*. Тотъ глубочайшій корень субъективной души, который искони благъ и разумень, неизмѣнно направлень на свободу и не поддается ни искаженіямъ, ни извращеніямъ, — отнынѣ *тождественъ* съ потокомъ объективной, личной жизни. Добро и правота облеклись въ форму субъективной воли ¹⁾, а субъективная воля слила свою жизнь съ жизнью своей субстанціальной сущности. Возникаетъ „конкретный моральный духъ“ ²⁾, или явленіе личной нравственности. Человѣкъ живетъ, какъ и прежде, субъективнымъ настроеніемъ, но это есть уже настроеніе „права самого по себѣ“ ³⁾. Особенная воля не отличаетъ себя отъ всеобщей, зная, что ея собственная сила живетъ глубокимъ и вѣрнымъ дыханіемъ существенной жизни. „Всеобщая воля“ не отстранена и не вытѣснена въ безсознательныя подземелія личной жизни, но имѣетъ открытый, творческій исходъ и опредѣляющее значеніе.

Свобода духовной жизни возникаетъ изъ этого сращеннаго единства двухъ волей. Благодаря ему особенная воля не испытываетъ никакого „подчиненія“ ⁴⁾, или „подавленія“ ⁵⁾ со стороны всеобщей воли; она не занимаетъ по отношенію къ ней „подъяремнаго“ положенія ⁶⁾. Всѣ эти опредѣленія здѣсь совершенно не приложимы, ибо они предполагаютъ раздѣльность и противостояніе двухъ сторонъ. А между тѣмъ въ нравственности окончательно угасла всякая раздѣльность. Мало сказать, что субъективная склонность и законъ долженствованія стоятъ въ „согласованности“ ⁷⁾;

1) Срв. Recht 207.

2) Phän. 477.

3) Recht 208.

4) „Unterwerfung“. Nohl. 293.

5) „Unterdrückung“. Nohl. 301. 311.

6) „Unterjochung“. Nohl. 268. Anm.

7) „Uebereinstimmung“. Nohl. 268.

самый терминъ „согласія“ здѣсь уже не подходит ¹⁾, ибо допускаетъ наличность „двоегласія“ и возможность „разногласія“. Нравственный законъ и „дѣйствительная жизнь самосознанія“ стоятъ въ тождествѣ, исключаящемъ самую возможность „отношенія“ ²⁾: они суть *едино*. Поэтому въ нравственности субъектъ не знаетъ такого долженствованія, которое оставалось бы только долженствованіемъ ³⁾ и не было бы въ то же время „бытіемъ“ ⁴⁾, „объективнымъ бытіемъ“ ⁵⁾, осуществляющеюся „дѣйствительностью“ ⁶⁾. Всякое самопринужденіе отпадаетъ; всякое „повиновеніе“ ⁷⁾ чуждому „закону“ ⁸⁾ исчезаетъ. Субъективная склонность ⁹⁾ и законъ въ *содержаніи своемъ* уже не различны ¹⁰⁾. Долгъ и влеченіе совпадаютъ ¹¹⁾. Субъектъ „непосредственно знаетъ“ то самое ¹²⁾ и хочетъ непосредственно, самъ по себѣ и изъ себя, того самого, что законъ „предписалъ бы“ ему ¹³⁾, если бы сознание съ нимъ справилось. Но ему нѣтъ надобности справляться съ предписаніями закона и долга: онъ несетъ въ самомъ себѣ „богатое живое содержаніе“ ¹⁴⁾ правой воли и „склонность“ его имѣетъ свой корень въ своей собственной всеобщей и неизмѣнной правотѣ ¹⁵⁾. И въ результатѣ этого „законъ“, какъ отвлеченное правило и мотивъ воли, теряетъ свое прежнее значеніе: мотивъ обновляется и переносится въ глубину личнаго духа. „Элементъ“ разумной

1) „nicht passend“. Nohl. 268.

2) „verhältnisslose Identität“. Recht. 212.

3) Срв. „nur sein sollen“. Log. I. 146; Срв. Nohl. 267. Enc. III. 390. 391. Ph. G. 12.

4) „Sein“. Enc. III. 391.

5) „objektiv seiend“. Recht. 87.

6) „Wirklich zu Sein“. Enc. I. 11. Ph. G. 12.

7) „Gehorsam“. Nohl. 266.

8) Срв. Nohl. 266. 269. 277.

9) „Geneigtheit“, „Neigung“. Nohl. 268. 271—272. 277. 388.

10) Срв. Nohl. 268. 277. 388.

11) Nohl. 277.

12) Phän. 316.

13) Nohl. 268. 271—272.

14) Срв. Nohl. 269.

15) Срв. Nohl. 388.

правоты ¹⁾ является имманентнымъ субъекту и его дѣятельности: опредѣленіе себя къ правотѣ становится въ полномъ смыслѣ слова его *само-опредѣленіемъ*, и жизнь его являетъ собою „дѣйствительность свободы“ ²⁾. „Понятіе свободы“ становится „природою самосознанія“ ³⁾, а самосознаніе субъекта являетъ „адекватное существованіе свободы“ ⁴⁾, какъ абсолютнаго творческаго самоопредѣленія. Именно свободное сращеніе безсознательной доброты и правоты съ субъективнымъ самосознаніемъ превращаетъ „субстанціальныя опредѣленія разума“ въ цѣлостное „нравственное настроеніе“ ⁵⁾.

Цѣльность духовной жизни, недоступная моральной волѣ, оказывается естественнымъ результатомъ „правоты“ и „свободы“. Въ душѣ человѣка осуществилось великое перемѣщеніе силъ и состоялось желанное примиреніе противоположныхъ влеченій. Какъ бы слѣдуя своему „инстинкту“ ⁶⁾ и не разрываясь между различными соблазнами, воля, какъ „цѣлостная“ ⁷⁾ страсть духа, увѣренно и гармонично ⁸⁾ осуществляетъ „правое“ и „должное“, видя въ немъ свою естественную и желанную цѣль. Совѣсть, какъ нѣкій „высшій примиряющій геній“ ⁹⁾, создалъ въ душѣ человѣка гармоничное настроеніе ¹⁰⁾ готовности и добровольнаго ¹¹⁾ порыва, свободнаго отъ всякой борьбы съ собою ¹²⁾, жертвы ¹³⁾ и насилія надъ собою. „Нравственное настроеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы непоколебимо пребывать въ пра-

1) Срв. Enc. III. 376—377.

2) Enc. III. 376—377.

3) Recht. 210.

4) Recht. 219.

5) „sittliche Gesinnung“. Ph. G. 72.

6) „gleichsam aus Instinkt“. Ph. G. 46.

7) „Ganzheit des Gemüths“. Diff. 246.

8) „Harmonie“ Diff. 244. Phän. 457. 463.

9) Срв. „höherer Genius der Versöhnlichkeit“. Nohl. 269.

10) „Gesinnung“ Nohl. 268 Anm. 389.

11) „gerne thun“. Nohl. 267.

12) „ohne Kampf“. Nohl. 268 Anm.

13) Ibidem.

вомъ и воздерживаться отъ всякаго измѣненія, потрясенія“¹⁾ и разлагающей критики²⁾. „Царство нравственности, если оно налицо, есть мѣръ незапятнанный и не омраченный никакимъ расколомъ“ и раздвоеніемъ (Zwiespalt)³⁾. Въ такомъ состояніи душа уже не знаетъ неосуществленнаго долженствованія и не творитъ недолжныхъ осуществленій; она не знаетъ безсильныхъ, бесплодныхъ настроеній и не совершаетъ бездушныхъ, „механическихъ“ поступковъ: ея настроенія, цѣлостно добрыя и правыя, суть въ то же время ея осуществленныя вѣдѣнія⁴⁾; и обратно. Изъ сознательнаго противопоставленія „разума“ и „чувственности“ (Кантъ) возникло ихъ сращенное единство⁵⁾, и душа сомкнулась въ органически живущую и творящую тотальность⁶⁾. Человѣкъ примиряется съ добродѣтелью⁷⁾, ибо добродѣтель его—есть онъ самъ. Онъ живетъ ею, какъ своимъ естественнымъ и имманентнымъ ритмомъ, ибо нравственность стала его „второю природою“,⁸⁾ его „абсолютной сущностью и въ то же время абсолютной силою, не терпящею никакого искаженія въ своемъ содержаніи“⁹⁾.

Такъ обновляетъ нравственность внутренній строй человѣческой души. Это обновленіе можно охарактеризовать, какъ возвращеніе ея отъ периферіи къ центру: энергія духовной жизни, вовлеченная, было, въ сложный периферическій процессъ, окончательно сосредоточивается на *центро-стремительномъ* направленіи и возвращается въ лоно абсолютной правоты, ожидавшее ее въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Субъективно-личная воля живетъ отнынѣ этою не-

1) Phän. 325.

2) „Zurückführen“. Phän. 325. „prüfen“. Phän. 326; срв. о „reflektiren“. Ph. G. 46.

3) Phän. 345.

4) Срв. Ham. 82.

5) Срв. Phän. 456.

6) Срв. напр. Glaub. 119. Nohl. 266.

7) Nohl. 293.

8) Ph. G. 47.

9) Phän. 349.

искажимою и ненарушимою правотою, испытывая ее и зная ее, какъ свою собственную, реальнѣйшую и интимнѣйшую сущность. Это означаетъ, что то „глубокое внутреннее одиночество съ самимъ собою“, которое было осуществлено душою въ актѣ совѣсти и которое привело ее къ великому нравственному обновленію,—*ввело ее въ новую сферу, погрузило ее въ стихію самой спекулятивной Субстанции*, возстановило ея тождество съ объективно-всеобщей волею.

Совѣсть есть актъ *спекулятивнаго познанія*; поэтому то, къ чему она ведетъ и дѣйствительно приводитъ душу—есть подлинная стихія Божественнаго Смысла. Духъ человѣка, отдавшійся *совѣсти*, не только получаетъ „вѣсть“ о „сушности добра“, не только расширяетъ свое „знаніе“, но реально, *de profundis* обновляетъ свою жизнь. Ибо то, что открывается „абсолютному созерцанію“¹⁾ въ актѣ совѣсти, что вступаетъ въ сферу особенной воли и насыщаетъ ее собою, эта „неисказимая въ своей правотѣ и добротѣ“ „субъективно всеобщая воля“,—есть по существу своему *не личная, не субъективная, но сверхличная объективная Всеобщность*, познаваемая субъектомъ черезъ самоуглубленіе, но реально уводящая его за предѣлы всякой конечности. Это есть само „абсолютное“ и „вѣчное“²⁾ содержаніе, сама космическая, благая, божественная Субстанція,—единственный источникъ и единственное средоточіе *истинной реальности*³⁾. Вотъ почему освобожденіе отъ моральной разорванности ведетъ непосредственно къ высшей „реализаціи“ субъекта⁴⁾.

Совѣсть вводитъ человѣка,—и познавательнo, и реально,—въ „абсолютный Предметъ“ (*die absolute Sache*)⁵⁾ и притомъ такъ, что всякая противоположность между „увѣренностью“ и „истиной“, между „всеобщимъ и единичнымъ, ме-

1) Lass. II. 467.

2) Lass. II. 467.

3) Срв. „realisirt zu werden“. Enc. III. 369.

4) Phän. 314.

5) Phän. 314.

жду цѣлью и ея реальностью“ исчезаетъ ¹⁾: существованіе Предмета составляетъ „дѣйствительность и дѣятельность самосознанія“ ²⁾. И этотъ Предметъ есть „нравственная Субстанція“, а „сознаніе ея есть нравственное сознаніе“ ³⁾. Душа человѣка поднялась къ „абсолютному реальному едино-бытію съ Абсолютнымъ“ ⁴⁾.

Такое сращеніе съ Абсолютнымъ каждый человѣкъ можетъ осуществить только самостоятельно, въ величайшемъ „уединеніи“ и погруженіи въ себя. Но это не значить, что „разъединеніе“ людей явится зрѣлымъ результатомъ ихъ спекулятивнаго *уединенія*. Напротивъ, естественнымъ и неизбежнымъ результатомъ совѣстнаго „погруженія въ себя“, является истинное выхожденіе въ „Абсолютное“ и приобщеніе къ строю жизни, имманентно присущему Субстанціи. Душа человѣка вступаетъ черезъ „совѣсть“ въ ту сферу, гдѣ *все* живетъ и слагается по закону *органической конкретности*. „Единичная“ душа съ ея „особенной“ волей, предавшись живому ритму субстанціальной Всеобщности, оказывается проникнутой и пронизанной ея силою, насыщенной ея содержаніемъ и вовлеченной въ *ассимилирующій, органическій процессъ, скрѣпляющій и сращивающій ее съ другими, соподчиненными и со-включенными единичностями*. Человѣкъ открываетъ, что Всеобщность, въ которой онъ призналъ свою подлинную, кровную сущность, *не есть его исключительное достояніе; что именно въ качествѣ Всеобщности она шире, чѣмъ ея единичный органъ; что она есть органическая тотальность, свободно и безпрепятственно пронизывающая всѣ свои части, органы и единичности, и тѣмъ поддерживающая ихъ въ себѣ и себя въ нихъ*

Сознанію субъективной души, вовлеченному въ спекулятивный процессъ познанія (id est созданія) *нравственной жизни*, постепенно открывается обстояніе самой глубокой и

1) Ibidem.

2) Ibidem. Курсивъ Гегеля.

3) „das absolute reale Einssein des Einzelnen mit dem Absoluten“

4) W. Beh. 393.

послѣдней значительности: *человѣкъ человеку не ино-бытіе, но органически сращенное едино-бытіе*. Погруженіе души въ субстанцію приводитъ ее къ *конкретной* жизни, осуществляющейся сразу въ трехъ уклонѣхъ: во первыхъ въ *субъективно внутреннемъ* во-вторыхъ въ *объективно-субстанціальномъ* и въ третьихъ въ *объективно-соціальному*. Всѣ эти три уклона суть не болѣе, какъ различные аспекты одного и того-же состоянія Духа,—высшаго состоянія *всеобщей Воли*, живущей въ видѣ нравственно-организованнаго народа. Это можетъ быть выражено такъ, что *дѣйствительный образъ нравственности предполагаетъ бытіе многихъ, индивидуальныхъ человеческихъ душъ, отказавшихся отъ своей эмпирической самобытности и осуществившихъ троякое сращеніе*: особенная воля срастается въ каждой душѣ съ ея всеобщей, правою и благою стихіею; это ведетъ къ тому, что *цѣлостная, правая и свободная, объективная* воля познаетъ свое тождество съ объективной субстанціею, съ самою божественною *Всеобщностью*; а это можетъ осуществиться лишь при томъ условіи, что *всѣ цѣлостныя субъективныя воли срастутся въ едино-бытіе другъ съ другомъ*.

Для того, чтобы вѣрно понять этотъ основополагающій пунктъ Гегелева ученія, вскрывающій одно изъ самыхъ кардинальныхъ его прозрѣній и указующій истокъ *всей* его философіи,—необходимо еще разъ отказаться отъ привычнаго созерпанія предметовъ и обновить въ себѣ специфическій характеръ его видѣнія. Въ данный моментъ это необходимо выполнить по отношенію къ предмету, именуемому *человѣческой психикой*.

Эмпирическое воззрѣніе привыкло воспринимать и изслѣдовать „душевное“ въ видѣ *множества раздѣльныхъ, во времени-процессуальныхъ, субъективно-своеобразныхъ, „функционально“ или „причинно“ связанныхъ съ раздѣльными тѣлами, живыхъ единствъ*. Къ свойствамъ именно такъ воспринимаемаго предмета приспособился и житейскій, повседневный обиходъ, и методъ индуктивнаго изученія, и способъ пониманія и разрѣшенія моральной проблемы. Можно сказать, что „монадологія“ Лейбница является самымъ послѣдовательнымъ метафизи-

ческимъ осуществленіемъ этой концепціи, а эмпирической эгоцентризмъ Макса Штирнера самымъ послѣдовательнымъ морально-практическимъ злоупотребленіемъ ею. При такомъ воспріятіи невозможно говорить о „душѣ“, какъ единомъ реальномъ предметѣ, ибо реально даны лишь „души“, раздѣльныя и множественныя; точно такъ же нельзя знать что-либо объ этихъ предметахъ *непосредственно*, ибо непосредственно каждому изъ людей доступенъ только *одинъ* изъ нихъ — его собственная, „субъективная“ душа. Раздѣльность тѣлъ вещественно закрѣпляетъ и подтверждаетъ раздѣльность душъ и общество людей предстаетъ въ видѣ *системы изолированныхъ шахтъ*. Это уподобленіе получаетъ особенное значеніе въ виду того, что изъ всего содержанія, скрытаго въ каждой шахтѣ, лишь немного, сравнительно, извлекается на свѣтъ сознанія и каждая изъ нихъ неизмѣнно укрываетъ въ своей темной глубинѣ какія-то непредвидимыя, загадочно-самобытныя и своеобразныя содержанія и возможности. Эта картина существеннаго разъединенія завершается въ этическихъ построеніяхъ, независимо отъ того, исходятъ ли они отъ принципа долга (Кантъ), или отъ принципа „абсолютнаго Я“ (Фихте), или же отъ принципа эмпирической самобытности (романтики, Штирнеръ): этика строится, какъ ученіе о *множествѣ субъективныхъ, личныхъ процессовъ*, имѣющихъ, можетъ быть, черты сходства, но *существенно различныхъ по содержанію* ¹⁾ и *раздѣльныхъ по бытію*. Соціальная „абстрактность“ человѣческой монады остается послѣднимъ словомъ этого пониманія даже въ томъ случаѣ, если личность находитъ въ себѣ „ноуменальную“ глубину, соединяющую ее съ „потустороннимъ“ міропорядкомъ и Божествомъ.

Съ этой системой психическаго и моральнаго „монадизма“ Гегель порвалъ столь же радикально, какъ и съ системой вещественнаго „атомизма“. Все ученіе его исходитъ изъ того, что „психическій“ и „духовный“ предметъ прежде

¹⁾ Напр., души людей не одинаково порочны и добродѣтельны, по разному и только за себя виновны, различно одарены и т. д.

всего *единъ* и *кон-кретенъ*, и, притомъ, „кон-кретенъ“ не въ томъ смыслѣ, что онъ „слагается“ или „срастается“ изъ множества самостоятельныхъ индивидуальностей, какъ изъ *первичныхъ* монадъ, но въ томъ смыслѣ, что реальная ткань *первоначально—непрерывна и сращенно-сплошна* и только затѣмъ уже, во внутреннемъ развитіи своемъ, она какъ бы распадается на множество единичныхъ и съ виду самостоятельныхъ, индивидуальныхъ „душъ“. Наука о духѣ созерцаетъ свой предметъ адекватно именно тогда, когда она имѣетъ передъ собою *конкретное единство, внутренне дифференцировавшее себя на дискретное множество*.

Согласно этому, Понятіе, какъ имманентная міру сущность, сохраняетъ свой характеръ *спекулятивной Всеобщности* и тогда, когда оно имѣетъ элементарный образъ „естественной души“, и тогда, когда оно восходитъ на ступень „духовной“ зрѣлости. „Естественная душа“ человѣка, несмотря на свою спекулятивную слѣпоту и невѣдѣніе, остается индивидуальнымъ обособленіемъ общечеловѣческой душевной субстанции. Эту „субстанцію“, эту „всеобщую душу“ (*allgemeine Seele*) ¹⁾, можетъ быть, еще не слѣдуетъ называть „міровой душой“, т.-е. какъ бы особымъ *субъектомъ*, ибо она есть только *субстанція*, пріобрѣтающая субъективный характеръ лишь въ своемъ индивидуальномъ обособленіи ²⁾; но *всеобщность* ея остается и здѣсь *первоначальнымъ* опредѣленіемъ. „Душа“, подобно „міру“ и „Богу“, есть по существу своему *„тотальность“*, „конкретная всеобщность“, постигаемая мышленіемъ ³⁾; и въ этой своей „конкретности и тотальности“, она, „еще не духъ“, а только „всеобщая имматеріальность природы“, — есть „субстанція, абсолютная основа всякаго обособленія и единичнаго формированія духа“ ⁴⁾. Поэтому она „не существуетъ только

¹⁾ Enc. III. 56; срв. „allgemeine Naturseele“. Enc. III. 202 (Z).

²⁾ „die allgemeine Seele muss nicht als Weltseele gleichsam als ein Subjekt fixirt werden; denn sie ist bloss die allgemeine Substanz, welche ihre wirkliche Wahrheit nur als Einzelheit, Subjektivität hat“.

³⁾ Enc. I. 66.

⁴⁾ Enc. III. 46.

въ одномъ особенномъ индивидуумѣ“, ¹⁾ но есть начало „всепроницающее“, „вполнѣ всеобщее“ ²⁾, „объективное“ ³⁾, и въ качествѣ „абсолютной индифференціи“ ⁴⁾, содержащее въ себѣ всѣ различія въ ихъ „идеальномъ“ видѣ ⁵⁾. При этомъ она, можетъ быть въ тайнѣ отъ своихъ индивидуальныхъ обособленій, пребываетъ съ ними въ тождествѣ, и, какъ подобаетъ спекулятивной Всеобщности, присутствуетъ въ каждой личной душѣ всѣмъ своимъ содержаніемъ, такъ что каждая можетъ быть охарактеризована, какъ „индивидуально опредѣленная“ душа міра ⁶⁾.

Со вступленіемъ въ сферу духа положеніе дѣлъ по существу не мѣняется, но постепенно *подъемлетъ въ сознание* и самосознаніе индивидуальной души. Духъ остается первоначальною „неискоренимою субстанціей, текучей, равной себѣ сущностью“ ⁷⁾, которая распадается (*zerspringt*) на „множество совершенно самостоятельныхъ существъ, подобно тому, какъ свѣтъ распадается на безчисленное множество самостоятельно (*für sich*) свѣтящихся пунктовъ — звѣздъ“ ⁸⁾; однако человѣческія „самосознанія“ ⁹⁾, при всей своей самостоятельности и „свободѣ“ ¹⁰⁾, „растворены“ (*aufgelöst sind*) въ духовной „субстанціи не только сами по себѣ (*an sich*), но и для себя (*für sich selbst*)“, т.-е. они знаютъ или, по крайней мѣрѣ, *способны* знать о своей растворенности ¹¹⁾. Субстанція, какъ духъ, „разъемлетъ“ себя (*Diremption*) ¹²⁾ въ процессѣ обособленія ¹³⁾ на множество

1) Enc. III. 175. (Z).

2) Enc. III. 175 (Z). Курсивъ Гегеля.

3) Срв. W. Beh. 394. Enc. II. 693.

4) W. Beh. 394.

5) Срв. Enc. III. 175 (Z).

6) Enc. III. 146 (Z).

7) Phän. 139.

8) Phän. 265.

9) Phän. 139.

10) Phän. 139.

11) Phän. 265.

12) Enc. III. 391.

13) „Die Substanz, als Geist sich.. besondernd“. Enc. III. 394.

единичныхъ лицъ, но оставляетъ за собою значеніе—ихъ „внутренней силы и необходимости“¹⁾; и этой внутренней силѣ, скрывающейся своими корнями въ „подземномъ мірѣ“ души²⁾, единичныя существа въ конечномъ счетѣ не могутъ сопротивляться³⁾.

И вотъ, если нравственность состоитъ прежде всего въ томъ, что душа человѣка, пострадавшая до акта „совѣсти“, познаетъ и сознательно пріемлетъ себя, какъ живую модификацію духовной субстанции, а субстанцію,—какъ свою живую и существенную Всеобщность, то это означаетъ, что она познаетъ себя, какъ одну изъ живыхъ единичностей единой духовной Всеобщности; это значитъ, что человѣкъ признаетъ себя участникомъ спекулятивной жизни, частью духовной тотальности, органомъ духовнаго организма. Иными словами, онъ видитъ и убѣждается, что онъ живетъ не въ отрывѣ отъ другихъ людей, но въ сращеніи съ ними, и что, слѣдовательно, вопреки видимой дискретности человѣческихъ душъ—онѣ въ дѣйствительности стоятъ въ органически-конкретной связи.

Это глубокое и своеобразное ученіе можетъ быть формулировано такъ: *люди сращены другъ съ другомъ, какъ органы единаго Божественнаго организма; и нравственность состоитъ въ томъ, чтобы сознательно и творчески жить этою конкретною жизнью.*

Люди сращены другъ съ другомъ реально, на самомъ дѣлѣ, вопреки внѣшней эмпирической видимости, настойчиво свидѣтельствующей о томъ, что они по существу разъединены. Въ этомъ состоитъ „невѣроятное противорѣчіе“⁴⁾ социальнаго бытія; и философія должна разрѣшить его. Съ одной стороны, духъ оказывается въ состояніи „насильственной раздѣленности на рядъ различныхъ самостоятельныхъ существъ“⁵⁾, „вполнѣ свободныхъ, самостоятельныхъ, аб-

¹⁾ Enc. III. 391.

²⁾ „Unterwelt“. Phän. 356.

³⁾ „Keinen Widerstand leisten kann“. Log. III. 187.

⁴⁾ „der ungeheure Widerspruch“. Enc. III. 275 (z.).

⁵⁾ „gewaltige Direktion des Geistes in verschiedene Selbste“. Enc. III. 284 (z.).

солютно чопорныхъ и сопротивляющихся ¹⁾ другъ другу; эти существа не только „различны“ ²⁾, но неприступны ³⁾ и „непрорывны“ ⁴⁾. Однако, съ другой стороны, стихія „души“, даже въ своемъ индивидуальномъ видѣ, остается „имматериальной“ и поэтому ⁵⁾ сохраняетъ способность къ тождественности, вопреки всякому разъединенію. Это объясняется тѣмъ, что стихія духа *органически-едина* по своей *всеобщей метафизической сущности* и въ то же время *механически-множественна* въ своихъ *единичныхъ эмпирическихъ явленіяхъ*. Сознаніе, не прозрѣвшее спекулятивно, воспринимающее одну эмпирическую поверхность бытія, фиксируетъ дискретную множественность людей и привыкаетъ къ строю внѣшняго разъединенія и внутренней уединенности; оно живетъ такъ, какъ *если бы* иного, конкретнаго порядка вовсе не было и даже склонно настаивать на его невозможности. Спекулятивное прозрѣніе и пріятіе убѣждаетъ его въ томъ, что сраченность индивидуальныхъ душъ никогда не порывалась и порваться не можетъ, но что она была отодвинута, какъ бы вытѣснена въ глубину бытія и пребывала въ непризнанномъ, нераскрытомъ, неразвитомъ, не актуальномъ видѣ, представляя разъединенію господствовать на поверхности общенія. Жизнь, культивирующая это поверхностное разъединеніе, предающаяся ему чувствомъ, сознаніемъ и волею, есть жизнь, субстанціально *безнравственная*.

Трагикомедія чловѣка состоитъ въ томъ, что, созерцая только эту поверхность, не видя ничего болѣе глубокаго, онъ убѣждается въ своей ограниченности, конечности и несвободѣ, и вступаетъ въ *борьбу* съ ограничивающимъ его инобытіемъ, не подозревая того, что это есть борьба съ призракомъ. Спекулятивно-слѣпая душа не знаетъ, что чловѣкъ есть *духъ* и что духъ *абсолютно свободенъ*; она не по-

¹⁾ Enc. III. 284. (z.).

²⁾ „Unterschieden“. Enc. III. 275 (z.)

³⁾ Срв. „Starr“ Enc. III. 275 (z.).

⁴⁾ Срв. „Undurchbrechbar“. Enc. III. 275 (z.).

⁵⁾ Enc. III. 166—167.

нимаетъ, что *борьба* съ соціальнымъ инобытіемъ неизбежно фиксируетъ его *ино-бытіе* и, разжигая страсть отрицанія, превращаетъ ее въ пристрастную слѣпоту. И вотъ, спекулятивное прозрѣніе открываетъ ему его *свободу*, вручая ему постепенно ключи ко всякому „инобытію“ и уводя его при этомъ отъ предѣловъ эмпирическаго самочувствія, со ступени на ступень—въ глубину и сосредоточенность субстанціальной жизни. Каждое изъ завоеваній на этомъ пути совершается такъ, что человѣкъ обновляетъ условія своей жизни, уходя отъ того способа бытія, который заставлялъ его фиксировать „инобытіе“ и противопоставлять его себѣ. Духъ, разоблачая объектъ, углубляется въ него, пріемлетъ его въ себя и растворяется въ немъ; онъ углубляется въ объектъ и для этого неминуемо углубляется *въ себя*: ибо движеніе къ сущности объекта (объективному разуму) есть eo ipso движеніе къ сущности субъекта (субъективному разуму). Каждый новый „образъ міра“ выражаетъ собою новое освобожденіе духа, осуществимое только черезъ конкретное пріятіе объекта и черезъ новое самоуглубленіе души. Именно такъ обстоитъ дѣло и въ нравственности.

Обращеніе личной души отъ дурной эмпирической дискретности къ божественно-конкретному порядку состоитъ въ пріятіи соціальной сращенности, т. е. въ подлинномъ признаніи, раскрытіи и осуществленіи ея силами личной души, остающейся *по видимости* въ условіяхъ эмпирическаго разъединенія: живыя человѣческія индивидуальности *какъ бы впервые* вступаютъ другъ съ другомъ въ конкретное общеніе и осуществляютъ спекулятивное слияніе.

Это сращеніе возникаетъ въ результатъ того, что *человѣкъ усматриваетъ въ другомъ человѣкѣ ту же самую духовную стихію, субъективнымъ видоизмѣненіемъ которой онъ призналъ себя*. Такое признаніе ведетъ его къ *освобожденію себя въ другомъ* и къ утвержденію своего *органическаго тождества* съ нимъ. *Взаимное* же прозрѣніе и освобожденіе устанавливаетъ *спекулятивную сращенность душъ*.

До тѣхъ поръ, пока индивидуальная душа человѣка ви-

доть въ другомъ челоуѣкѣ *инобытіе*,—спекулятивное сраще-
ніе кажется ей неприемлемымъ и неосуществимымъ: она ви-
дитъ въ ближнемъ нѣчто чуждое и постороннее, стѣсняю-
щій и ограничивающій объектъ и занимаетъ по отношенію
къ нему отрицающую и оборонительную позицію. Бытіе дру-
гого „я“ обозначаетъ для нея утрату свободы. Отсюда и воз-
никаетъ—еще на ступени естественнаго сознанія—борьба
за свободу, на жизнь и на смерть; и уже тамъ эта борьба
заканчивается не простымъ господствомъ сильнаго и под-
чиненіемъ слабаго, но прорывомъ къ „безкорыстному и раз-
умному“ пониманію отношеній: предметное „самоуглубле-
ніе“ утверждаетъ въ подчиненномъ непринудимую глубину
свободы и подъемъ этотъ, рано или поздно, заражаетъ и
господина. Въ результатѣ этой борьбы самосознаніе при-
учится видѣть въ другомъ самосознаніи не просто непокор-
ный *объектъ*, но самостоятельное и духовное существо, —
своего „со-субъекта“,—и становится „признающимъ самосо-
знаніемъ“.

Къ этому „со-субъекту“ своему обращается за призна-
ніемъ и воля, владѣющая вещью и стремящаяся къ свобо-
дѣ черезъ „договоръ“. Правда, въ договорѣ люди встрѣ-
чаются лишь „особенными“ волями и устанавливаютъ поверх-
ностное и основанное на произвольномъ рѣшеніи совпаде-
ніе волей; правда, сліяніе особенныхъ волей остается здѣсь
и по объекту и по субъекту ограниченнымъ,—и тѣмъ не
менѣе, исходный пунктъ для спекулятивнаго сращенія ока-
зывается уже намѣченнымъ: челоуѣкъ, стремясь къ свобо-
дѣ, сталъ „признающимъ и ищущимъ ответнаго признанія ду-
хомъ“, онъ научился искать въ другомъ *подобія себя* и это
исканіе получаетъ свой истинный характеръ именно въ *нрав-
ственности*.

Обращаясь къ „другому“ изъ глубины нравственнаго про-
зрѣнія, духъ челоуѣка попережнему ищетъ въ немъ „подобія
себѣ“¹⁾, но „себѣ углубленному, возрожденному и исцѣ-

¹⁾ Срв. „das Gleiche“ Nohl. 377.

ленному: человекъ ищетъ въ человекѣ ту самую глубину *Всеобщности*, которую онъ открылъ въ себѣ. Онъ ищетъ ее потому, что позналъ *себя*, какъ вѣрное явленіе *Субстанции* а *Субстанциию*, какъ абсолютно свободную отъ инобытія силу; поэтому онъ съ полнымъ основаніемъ не довѣряетъ своей несвободѣ, коренящейся въ видимомъ разъединеніи людей, и не можетъ примириться съ тѣмъ, что человекъ человекѣ въ какомъ-нибудь отношеніи остается „мертвымъ“¹⁾ объектомъ. Понятно, что человекѣ, ищущему въ другихъ людяхъ божественной глубины предстоитъ *найти* искомое, ибо онъ ищетъ въ нихъ того, что дѣйствительно составляетъ ихъ подлинную сущность.

Это исканіе осуществляется посредствомъ *спекулятивнаго пріятія чужой жизни: въ ея содержаніи и органическаго вживанія въ него.*

Согласно общему закону „конкретнаго сліянія“ срастающіяся души не остаются „другъ внѣ друга“, но каждая пріемлетъ въ себя „чужое“ содержаніе и отдаетъ свое содержаніе другой душѣ. Возникаетъ спекулятивный „обмѣнъ дарами“, въ которомъ стороны по „формѣ“ сохраняются, но по „содержанію“ ассимилируются; каждая выражаетъ себя „въ функціи“ другой и работаетъ надъ созданіемъ „взаимо-проникновенія“ и конкретнаго тождества съ „инобытіемъ“. Обмѣнъ спекулятивными дарами принимаетъ характеръ „устойчивой непрерывности“ и стороны связуются взаимно—цѣлевою связью: онѣ жизненно врастаютъ одна въ другую и поддержаніе „себя“ превращается для каждой въ служеніе другой сторонѣ. Возникаетъ *органическа сопринадлежность душъ*, объединившихся въ новое для нихъ, но по существу первоначальное, высшее или глубочайшее *органическое образованіе.*

Однако, въ отличіе отъ низшихъ органическихъ единствъ социальное сращеніе слагаясь въ элементъ *душевно-духовной жизни*, осуществляется силою *чувства, сознанія и воли*, и по-

¹⁾ Срв. Nohl. 379.

тому достигаетъ высшей утонченности, вѣрности и свободы. Срастающіяся души начинаютъ съ открытія того, что онѣ „не чужды“ ¹⁾ одна другой и движутся къ тому, чтобы *признать* свою органическую связанность и принадлежность къ единой *тотальности*. По мѣрѣ того какъ сознательно „даваемое“ и „получаемое“ ²⁾ содержаніе ассимилируется— явное эмпирическое различіе душъ перестаетъ *ослѣплять* сознаніе и тяготитъ самочувствіе каждой и за *видимыми „особенностями“* обнаруживается *творчески несущая ихъ субстанціальная Всеобщность*. И вотъ тогда человѣкъ начинаетъ видѣть въ другомъ человѣкѣ модификацію единой сущности, индивидуально и „особенно“ оформившую свое содержаніе, но предавшую и эту особенность свою—спекулятивной ассимиляции. Человѣкъ *узнаетъ себя въ другомъ и другого въ себя*; и тѣмъ самымъ *находитъ путь къ свободѣ*.

Спекулятивное освобожденіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ осуществляетъ въ себѣ „положительное знаніе себя самого въ самости другого“ ³⁾; тогда онъ созерцаетъ въ объектѣ „то же самое“ ⁴⁾, что и въ себѣ,—„абсолютно то же самое“, что составляетъ природу самого субъекта ⁵⁾; тогда онъ „находитъ въ другомъ себя самого“ ⁶⁾ и осуществляетъ „совершенное“, „реальное“ и „объективное“ „бытіе и созерцаніе себя“ въ чужой индивидуальности другого человека ⁷⁾; такъ научается онъ постепенно видѣть въ „каждомъ“ себя самого ⁸⁾ и „относясь къ другому“, онъ „относится непосредственно къ себѣ самому“ ⁹⁾, „Эта преднай-

¹⁾ Nohl. 379.

²⁾ „gegenseitiges Nehmen und Geden“. Nohl 380.

³⁾ „das affirmative Wissen seiner Selbst im andern Selbst“. Enc. III. 28;

⁴⁾ „es schaut die Dieselbigkeit an“. Lass. II. 467.

⁵⁾ „absolut dasselbe, was das Subjekt ist“. Lass. II. 467.

⁶⁾ „sich selbst in einem Andern wiedergefunden“. Nohl. 322; срв. Recht-222 (Z)

⁷⁾ Срв. „Das Sich reell objektiv Anschauen des Individuums in dem andern“. Lass. II. 464; „ein vollkommenes sich Objektivsein und Anschauen des Individuums in dem fremden“. Lass. II. 464—465.

⁸⁾ „schaut das Individuum sich in jedem als sich selbst an“. Lass. II. 466.

⁹⁾ „beziehe ich mich, indem ich mich auf den Anderen beziehe, unmittelbar auf mich selber“. Enc. III. 284 (Z)

денная мною свободная объективность другого, которая есть отрицание меня самого“, получаетъ для меня значеніе моего собственнаго „бытія для себя“ ¹⁾, такъ что въ концѣ концовъ я живу увѣренностью, что найду во всей соціальной дѣйствительности — только „себя самого“ ²⁾: бытіе другихъ несетъ мнѣ ту же достовѣрность, какъ и мое собственное бытіе ³⁾, ибо они суть „духъ отъ моего духа“ ⁴⁾.

Этому „удвоенію“ ⁵⁾ и умноженію субъекта въ другихъ людяхъ соотвѣтствуетъ осуществленное имъ „самимъ“ удвоеніе каждаго изъ сращенныхъ съ нимъ: дары жизненнаго содержанія даются и пріемлются *взаимно и каждая* изъ сторонъ получаетъ новую жизнь въ душѣ своего „со-субъекта“. Узнавшій себя въ чужой душѣ самъ предоставилъ *свою* душу для того, чтобы другой могъ въ *его* душѣ узнать *себя*; и обратно. Каждый утверждаетъ „свою“ реальность и въ себѣ и въ другихъ и всѣ утверждаютъ свою реальность во всѣхъ; такъ что каждый, совершая „рефлексію“ *въ себя* — рефлектируетъ себя въ другого ⁶⁾ и во всѣхъ другихъ, ибо каждый присутствуетъ во всѣхъ и всѣ въ каждомъ. И притомъ такъ, что *каждый признаетъ свободу другою, и знаетъ, что его свобода признана также другимъ, и что другой знаетъ о своемъ признаніи и о своей признанности* ⁷⁾. И не только каждый признаетъ свою *свободу* и признанъ другими въ своей *свободѣ*, но, при полномъ осуществленіи образа, каждый знаетъ и о своемъ тождествѣ съ другими. „Я вижу во всѣхъ, что они сами для себя суть такія же самостоятельныя существа, какъ и я самъ; я созерцаю въ другихъ (мое) свободное единство съ ними такъ, что оно реально какъ черезъ меня, такъ и черезъ нихъ *самыхъ*. (Я

¹⁾ Phän. 265.

²⁾ Phän. 266

³⁾ Phän. 266.

⁴⁾ „Geist von seinem Geist“. Lass. II. 465.

⁵⁾ „Verdoppelung seiner selbst“. Nohl. 379.

⁶⁾ Enc. III 284 (Z).

⁷⁾ „im freien Andern sich anerkannt weiss, und dies weiss, insofern es das andere anerkennt und dasselbe frei weiss“. Enc. III. 283.

созерцаю) ихъ, какъ себя, себя, какъ „ихъ“ ¹⁾). Иными словами: каждый не только осуществляет свое „единство“ съ другими (какъ въ себѣ, такъ и въ нихъ), но сверхъ того и знаетъ, что оно обстоитъ и что онъ его осуществляетъ. *Итакъ, каждый знаетъ, что и онъ самъ, и другіе, — признаютъ и его самого, и другихъ, свободнымъ черезъ тождество и тождественнымъ черезъ свободу, и притомъ черезъ тождество и свободу реальныя и въ немъ самомъ, и въ другихъ.*

Возникаетъ глубокое и своеобразное отношеніе, которое Гегель называетъ *тождествомъ* субъективныхъ душъ.

Каждый человѣкъ можетъ разсматриваться, какъ *конкретный сплавъ „родового-существеннаго“ и „видового-специфическаго*. „Родовое-существенное“ *едино для всѣхъ людей, у всѣхъ людей, во всѣхъ людяхъ*: это есть субстанціальная Всеобщность, благая духовная стихія, реально имманентная каждому существу; это есть метафизическое *essentiale* человѣка, правая и свободная, всеобщая и неисказимая глубина его души. Напротивъ, „видовое-специфическое“ *различно во всѣхъ людяхъ*: это есть ихъ существующая *особенность*, наличность которой дѣлаетъ каждого изъ нихъ—индивидуальнымъ, т.-е. отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, и содержаніе которой дифференцируетъ людей, дѣлая каждого изъ нихъ—непохожимъ на другихъ и своеобразнымъ.

И вотъ, спекулятивное вживаніе *ассимилируетъ* „видовое-специфическое“ въ процессъ обмѣна и *раскрываетъ* „родовое-существенное“, скрывавшееся за видимыми особенностями: каждый узнаетъ себя (т.-е. *свое всеобщее и особенное содержаніе въ каждомъ и каждого другого (т.-е. всеобщее и особенное содержаніе другого)*) въ себѣ. Это не значитъ, что изъ жизни людей исчезаетъ *индивидуальная форма существованія*; нѣтъ, люди сохраняютъ эмпирическую отдѣльность и самостоятельность жизни (въ этомъ-то и состоитъ основная трудность для пониманія); мало того: по общему закону *органическаго сращенія* каждая сторона отправляется отъ своихъ

¹⁾ Phän. 266.

содержательных особенностей и, вживая въ себя чужое содержание, неизбежно сохраняет иную первоначальную ткань, какъ бы иной приемлющей сосудъ. Каждый индивидуумъ, вступившій въ содержательную ассимиляцію съ другимъ, вынашиваетъ въ концѣ концовъ то же самое, но по-своему, такъ что никакая ассимиляція не можетъ лишить ни одну изъ сторонъ оригинальности и своеобразія: общее содержание циркулируетъ въ каждомъ изъ сращенныхъ, но первоначальная особенность ведетъ каждого къ созданию своего новаго, дающаго возможность безконечнаго обмѣна дарами.

Но вопреки этой эмпирической отдѣльности и этому специфическому своеобразію, спекулятивное вживаніе создаетъ единое, общее всѣмъ сросшимся, особенное содержание и открываетъ единый всеобщій духовный корень ихъ бытія. Каждый изъ людей видитъ въ себѣ и въ другихъ жизнь единой духовной субстанции и утверждаетъ себя и всѣхъ другихъ въ тождествѣ съ нею и, благодаря всему этому, въ тождествѣ другъ съ другомъ.

Ни одинъ не видитъ болѣе въ другомъ „чуждаго объекта“, но каждый видитъ въ каждомъ духовно-единокровнаго субъекта, субъективность котораго несомна тою же объективною субстанціей, движима тою же объективною силою и насыщена тѣмъ же объективнымъ содержаніемъ, какъ и его собственная. Осуществляется „высшая субъектъ-объективность“¹⁾, при которой каждый „объектъ“ созерцается, какъ метафизически-единокровный мнѣ субъектъ, а каждый субъектъ одухотворенъ высшею „объективностью“ духа. Въ общеніи людей открывается „совершенная свобода отъ объекта“²⁾, ибо стороны вступаютъ въ „субстанціальное“³⁾ „тождество другъ съ другомъ“⁴⁾, въ то „субстанціальное“⁵⁾ „завершенное единство“⁶⁾, въ которомъ онѣ обра-

1) Срв. индивидуумъ „gelangt zur höchsten Subjekt-objektivität. Lass. II. 466.

2) „Völlige Objektlosigkeit.“ Nohl. 379.

3) Срв. о „сомнамбулизмѣ“ Substantielle Identität.“ Enc. III 166.

4) „Identität mit einander.“ Enc. III. 284 (Z). 284 (Z).

5) „Substantielle Einheit“ - Enc. III; 393.

6) „Vollendete Einigkeit“ Nohl. 379.

зуютъ нѣчто „единое ¹⁾.“ Люди, вступившіе въ такое спекулятивное единеніе ²⁾, оказываются духовно сросшимися, „какъ бы слившимися“ ³⁾, воздвигшими изъ себя новое духовное единство.

Вопросъ о томъ, какими силами или средствами души осуществляется это спекулятивное сляніе (Schluss) или сращеніе (Concretion) людей—разрѣшался Гегелемъ въ разные періоды его жизни *неодинаково*. Самая возможность *духовнаго сращенія* открылась ему подъ вліяніемъ евангельскаго ученія о любви, какъ о религиозномъ и божественномъ состояніи *всеобщаго пріятія и примиренія*. Постепенно глубокая метафизическая потребность найти не „возможный“ и „желанный“ status духовнаго сращенія людей, но *всегда наличную и во всемъ реальную, всему имманентную стихію, необходимымъ образомъ осуществляющую во всемъ спекулятивное сляніе*,—заставила его обратиться къ элементу объективнаго *Понятія* и, соотвѣтственно, въ чело-вѣкъ,—*спекулятивнаго мышленія*. Однако предметное расширеніе его философствованія заставило его вполсѣдствіи допустить существенныя ограниченія для этой „логической“ концепціи и сдѣлать многозначительныя оговорки въ пользу воли и *безсознательнаго* (въ этикѣ), *воображенія* (въ искусствѣ) и *чувствованія* (въ религіи). Понятно, что дѣйствительная полнота духовнаго единенія предполагаетъ участіе *всѣхъ* силъ души.

- И вотъ, когда между людьми осуществилось такое спекулятивное сращеніе, такъ, что каждый „пріяль“ *всѣхъ и всѣ* „пріяли“ *каждаго*,—тогда *явленіе* живого человѣческаго общества становится *адекватнымъ* своему метафизическому *субстрату*: спекулятивная *конкретность множества, сливающаяся въ Единство*, становится конститутивнымъ закономъ *человѣческаго существованія*, подобно тому, какъ спекулятивная *дифференціація Единства, раздѣлившаго себя на множество*—

¹⁾ „Eins“. Nohl 379 Anm.

²⁾ „Dies Verhältnis ist durchaus speculativer Natur“, Enc. III. 284. (Z).

³⁾ „gleichsam zusammengeflossen sind. Enc III. 284 (Z).

есть законъ божественнаго бытія. Тогда совмѣстная жизнь людей слагается въ своеобразную цѣлостную картину, являющую „дѣйствительный образъ нравственности“. Эта картина имѣетъ слѣдующія черты.

Въ глубочайшей основѣ „нравственнаго образа“ лежитъ „истинная“, „истинно-абсолютная“ ¹⁾ стихія Духа Божія, единая по существу и социальномножественная въ явленіи; социальное цѣлое,—и въ цѣломъ, и въ частяхъ, и въ единичныхъ образованіяхъ,—живетъ ея ритмомъ и ея содержаніемъ, слагая зрѣлое осуществленіе добра.

Это означаетъ, прежде всего, что образъ нравственности представляетъ изъ себя состояніе Божественной субстанции, лежащей въ основѣ всякой общественной и личной добродѣтели, какъ и всякаго,—и не только общественнаго и личнаго,—бытія. „Нравственность“ есть одна изъ ступеней, одно изъ состояній самого Божества, выковывающаго себѣ въ мірѣ „вѣрное“ явленіе; это есть, слѣдовательно, само Божество въ одномъ изъ своихъ „вѣрныхъ“ образовъ. Поэтому нравственность есть явленіе Субстанции: „Субстанція на ступени нравственности“ или, проще, „нравственная субстанція (sittliche Substanz ²⁾).

Какъ и во всѣхъ иныхъ частяхъ и явленіяхъ міра, такъ и въ нравственности,—субстанція имманентна всѣмъ своимъ „акциденціямъ“ или „явленіямъ“, такъ что она должна быть приравнена „тотальности своихъ обособленій“. Это значитъ, что и здѣсь она не „абстрактна“, не „пуста“, не „мертва“ и не „удалена“ отъ реальнаго процесса, но пребываетъ въ немъ, въ качествѣ его подлинной творческой сущности. Поэтому нравственная субстанція есть живое единство ³⁾,—„нравственная жизнь“ ⁴⁾, „живой нравственный міръ“ ⁵⁾. Ее слѣдуетъ разсматривать, какъ жизнь Бога въ душахъ лю-

¹⁾ Lass. II. 474.

²⁾ Срв. Phän. 268, 268, 269, 270, 314, 332, 338, 552. Enc. III. 393, 403. Recht. 68-69, 220, 428 и др.

³⁾ Срв. W. Beh. 401. 413. Phän. 328—329. Enc. III. 396. Ph. G. 44.

⁴⁾ Phän. 330. Курсивъ Гегеля.

⁵⁾ Phän. 330. Курсивъ Гегеля.

дей, отдающихъ свои силы на преодоленіе своей „матеріальной“ и „соціальной“ несвободы.

Это можно выразить такъ, что жизнь нравственной субстанции есть жизнь *человѣческихъ душъ* и зрѣлость ея бытія опредѣляется уровнемъ ихъ существованія. Именно благодаря тому, что она растворена (aufgelöst) во множествѣ „самостныхъ“ существъ (im Selbst), она есть „не мертвая, но действительная и живая сущность“ ¹⁾. И въ качествѣ живой сущности, достигшей въ нихъ *сознанія* и *самосознанія*, она есть уже не только субстанція, но *духъ*.

„Нравственный духъ“ есть не что иное, какъ „непосредственное единство субстанцій съ самосознаніемъ“ ²⁾. Когда субстанція существуетъ такъ, что она сознаетъ въ душахъ людей свое единство и свою подлинную природу; когда люди живутъ такъ, что сознаютъ себя единою субстанціею,—тогда нравственность становится осуществленною, а нравственный міръ есть тѣмъ самымъ міръ *духовный*. Нравственность есть по существу не просто міръ субстанціальный, но именно *міръ духа* ³⁾: не только „принадлежащій“ духу, или „созданный“ имъ, но *сотканный изъ духа* и *духовныхъ* состояній,—*самъ духъ* въ своемъ истинномъ видѣ ⁴⁾. „Нравственность есть духъ въ его непосредственной истинѣ“ ⁵⁾. Это есть „духъ на ступени нравственности“, или— „нравственный духъ“ (der sittliche Geist) ⁶⁾.

Этотъ духъ есть, слѣдовательно, самъ „абсолютный духъ“ ⁷⁾, „реализованный во множествѣ“ существующихъ *человѣческихъ* сознаній ⁸⁾, разложившій или „обособившій“ се-

1) Phän. 328—329. Курсивъ Гегеля.

2) Weil der sittliche Geist die unmittelbare Einheit der Substanz mit dem Selbstbewusstsein ist“. Phän. 342; срв. 415.

3) Срв. Phän. 268. 283. 328. 330. 332. 333. 342. 527—528. 552. Enc. II. 29. Enc. III. 391. 394. 442. Recht. 220. 220. 221. 340. 341. 342.

4) „Die lebendige sittliche Welt ist der Geist in seiner Wahrheit“. Phän. 330; „der sittliche oder der wahre Geist“. Phän. 527. 563.

5) Phän. 336.

6) Срв. напр. Phän. 342. 527. 527—528. 563 и др.

7) Phän. 332.

8) Ibidem.

бя ¹⁾ на множество самостоятельных лицъ и составляющій ихъ живую сущность ²⁾, ихъ реальную Всеобщность ³⁾. Всеобщая, духовная субстанція, включая въ себя всѣ свои „особенныя“ части и „единичныя“ образованія, является ихъ цѣлокупностью, ихъ „тотальностью“ ⁴⁾, имманентною имъ, состоящею изъ нихъ по объему и составляющею ихъ по содержанию. Она входитъ въ нихъ, какъ ихъ живая сущность, а они входятъ въ нее, какъ ея живыя части.

Отсюда уже ясно, что настоящимъ „элементомъ“ нравственности является не субъективная, индивидуальная душа, но социальное-цѣлое, „тотальность“ человѣческихъ душъ. *Нравственность не есть состояніе единичной души; она есть особая „система“* ⁵⁾ состояній и отношеній, новая „природа“ ⁶⁾, воздвигшаяся на высшей ступени. Эта „система“ или „природа“ не можетъ сложиться въ зрѣлый образъ и разложить себя сполна на всѣ свои потенціи ⁷⁾ въ душѣ одного человѣка: „единичность индивидуума не есть первое; первое—это жизнь нравственной природы, Божественность, а для ея сущности единичный индивидуумъ слишкомъ бѣденъ, чтобы охватить ея природу во всей ея реальности“ ⁸⁾. Поэтому абсолютная нравственность есть состояніе *многихъ* людей; и „реальность всеобщаго состоитъ“ здѣсь въ томъ, что оно существуетъ „въ видѣ множества индивидуумовъ“ ⁹⁾. Это множество, конечно, не ведетъ разрозненной и обособленной жизни, но, тѣмъ не менѣе, оно остается множествомъ даже тогда, когда спекулятивное *единство* становится закономъ его существованія.

1) „sich abstrakt in viele Personen... besondernd“. Enc. III. 394.

2) Срв. Phän. 313. 323. 349. Ph. G. 36 и др.

3) Срв. W. Beh. 327. 396. 397. Phän. 334. 341. 392. 563. Recht. 221.

4) Срв. W. Beh. 415. 416. 416—417. 421. Phän. 344 и др.

5) Срв. Lass. II. 474.

6) Срв. Lass. II 475. 475.

7) „als ausgebildetes, in seinen Potenzen sich vollständig verteilendes“. Lass. II. 474.

8) Lass. II. 474—475.

9) Lass. II. 481.

Это множество образуетъ „нравственную систему“ именно потому, что оно внутренно *несомно* „субстанціей или реальной духовной сущностью“ ¹⁾. Нравственная субстанція есть *живая основа* ²⁾ этого множества. Она есть нѣкая „эфирность“, нѣкая „элементарная“ и „чистая“ ³⁾ „сущность всѣхъ существъ“ ⁴⁾, какъ бы „всеобщая кровь“, циркулирующая во всемъ и создающая все своимъ движеніемъ. Она есть „душа“ ⁵⁾ и „предметная сущность“ ⁶⁾ всякаго человѣческаго самосознанія, — истинная „безконечность“ ⁷⁾, образующая въ своемъ „мошномъ“ ⁸⁾ и „величественномъ“ ⁹⁾ теченіи „объективную“ ¹⁰⁾ и „содержательную основу“ всякой личной добродѣтели ¹¹⁾. Она есть „всеобщій медиумъ, поддерживающій“ ¹²⁾ жизнь единичнаго человѣка, „обуславливающій“ его дѣятельность ¹³⁾ и дѣлающій его вообще впервые возможнымъ ¹⁴⁾.

Естественно, что нравственный духъ получаетъ значеніе всеобщей *абсолютной силы*, сопротивляться которой невозможно для индивидуума ¹⁵⁾. Духъ самъ подраздѣляетъ себя на единичныхъ людей ¹⁶⁾, пребываетъ въ нихъ, живетъ *ими и въ ихъ лицѣ*, и остается ихъ „внутреннею силою и необходимостью“ ¹⁷⁾, ихъ опредѣляющей судь-

1) „Substanz oder reales geistiges Wesen“. Phän. 323.

2) Срв.: „Grund“. Lass. II. 465—466; „Grundlage“. Phän. 291.

3) „Atherizität, das Elementarische, Reine“. Lass. II. 474.

4) „das Wesen aller Wesen“. Phän. 313; срв. Phän. 349. Enc. II. 529. Ph. G. 36.

5) Срв. „Seele und Wesen“. Phän. 265.

6) „gegenständliches Wesen“. Phän. 265.

7) W. Beh. 338.

8) Срв. „absolute Macht“. Phän. 349. Enc. II. 529.

9) Срв. „absolute sittliche Majestät“. W. Beh. 338.

10) Срв. Log. III. 187. Recht. 268.

11) Срв. „inhaltvolle Grundlage“. Phän. 291.

12) Срв. „das allgemeine erhaltende Medium“. Phän. 265.

13) „bedingt“. Enc. III. 392.

14) „in dessen Zusammenhang allein vorhanden“. Enc. III. 392.

15) Log. III. 187.

16) Enc. III. 391.

17) „Die abstracte Diresction dieses Geistes ist die Vereinzelung *in Personen*, von deren Selbständigkeit er die innere Macht und Nothwendigkeit ist“. Enc. III. 391. Курсивъ Гегеля.

бою ¹⁾. Сознательно или бессознательно, тайно или явно,— но „нравственное“ оказывается „двигателемъ всѣхъ чело- вѣческихъ дѣлъ“ ²⁾ въ исторіи и это выражается, между прочимъ, и въ томъ, что законы и нравы имѣютъ значеніе „существенныхъ“ ³⁾ „дѣятелей“ ⁴⁾, „бессознательно проникающихъ“ въ людскія души и обнаруживающихся въ ихъ дѣяніяхъ ⁵⁾. Нравственный Духъ дѣйствительно имѣетъ характеръ *могучаго единства*, поддерживающаго и утверждающаго себя въ видимой множественности душъ и стремленій.

Но истинную высоту и побѣдность это самоутверждение получаетъ только тогда, когда личная жизнь людей достигаетъ *нравственной зрѣлости*. Тогда жизнь социальной субстанціи слагается въ *органическую форму*.

Общество людей, развернувшееся въ нравственную систему, есть *спекулятивный организмъ*: „живой образъ или органическая тотальность“ ⁶⁾. Оно слѣдуетъ въ этомъ единому, общему закону духа, и можно сказать, что „всеобщая субстанція“ „существуетъ, въ качествѣ живой, лишь постольку, поскольку она предаетъ себя органическому обособленію“ ⁷⁾. „Абсолютная нравственность“, какъ „образъ міра“, должна непременно „организовать себя въ совершенствѣ“ ⁸⁾, т.-е. развернуть себя въ *стройное, содержательно ассимилированное и формально объединенное единство сопряженныхъ органовъ*.

Это означаетъ, что нравственная субстанція, слѣдуя своей внутренней необходимости, „развѣтвляется“ ⁹⁾ и внутрен-

1) „Die Macht, als die *objektive Allgemeinheit* und als Gewalt gegen das Object, ist, was *Schicksal* genannt wird“. Log. III. 192. Курсивъ Гегеля.

2) „das Sittliche, der Bewegter aller menschlichen Dinge“. W. Beh. 327.

3) Срв. „Wesenheiten“ Ph. G. 36.

4) „Agentien“. Log. III. 187.

5) Срв. „Mitthilbare, welche die Individuen auf eine bewusstlose Weise durchdringen, und sich in ihnen geltend machen“. Log. III. 187.

6) „lebendige Gestalt oder organische Totalität der Sittlichkeit“. W. Beh. 391.

7) Enc. III. 396.

8) „muss sich vollkommen organisiren“. W. Beh. 378—379.

9) „Verzweigung“. Lass. II. 485.

но или бессознательно „расчленяетъ“ ¹⁾ себя на части, или „потенціи“ ²⁾, которыя въ свою очередь представляютъ изъ себя особыя „подчиненныя системы“ ³⁾. Всѣ эти части или системы стоятъ въ „непосредственномъ касаніи“ ⁴⁾ и „непосредственномъ взаимодействіи другъ съ другомъ“ ⁵⁾, соблюдая „каждая свой живой обликъ“ ⁶⁾, но питая другъ друга ⁷⁾ и слагаясь сообща въ живой и стройный „порядокъ“ ⁸⁾ подъ руководствомъ центральной „органической силы“ ⁹⁾.

Эта сила есть живая сила самого цѣлаго, живущаго въ своихъ частяхъ и творящаго въ нихъ—себя¹⁰⁾. „Тотальность“ созидаетъ въ себѣ свои части, „проникаетъ въ нихъ и оживляетъ ихъ“ ¹¹⁾; она „разрѣшаетъ“ ихъ бытіе въ „абсолютную мягкость“ ¹²⁾ и гибкость, и тѣмъ придаетъ себѣ характеръ „текучей“ и все пронизывающей сущности ¹³⁾; она „ассимилируетъ“ и „индифференцируетъ“ всякое особенное содержаніе ¹⁴⁾ и сообщаетъ „цѣликомъ всѣ моменты своего“ ассимилированнаго содержанія ¹⁵⁾ каждой своей потенціи; она соблюдаетъ „мѣру“ каждой ¹⁶⁾ и поддерживаетъ „гармонію частей“ ¹⁷⁾, утверждая въ ихъ „спокойномъ равновѣсіи“ ¹⁸⁾ свою силу ¹⁹⁾ и ихъ жизнеспособность.

1) Срв. „Trennung“. Lass. II. 481; „Auseinandertreten“ Lass. II. 485; „sich gliedert. Phän. 443.

2) Срв. напр. Lass. II. 475. W. Beh. 412.

3) Lass. II. 481. 485. 487.

4) „die Unmittelbarkeit der Berührung“. W. Beh. 364.

5) „unmittelbar... rückwirken“. W. Beh. 364.

6) „Jede in ihrer lebendigen Gestalt“. Lass. II. 475.

7) Срв. Phän. 374.

8) Срв. Phän 280. Recht. II.

9) Срв. „organische Zentralgewalt“. Lass. II. 486.

10) Срв. „in und durch alle seine Theile“ Lass. II. 483.

11) Срв. „sie durchdringt und belebt“. W. Beh. 414; срв. Lass. II. 485.

12) „in die absolute Weichheit aufgelöst“ Lass. II. 474.

13) „die Substanz selbst dies flüssige Wesen geworden ist“. Phän. 529.

14) „indifferentirt, assimilirt“. W. Beh. 414.

15) „ganz und alle Momente ihres Inhalts“. Phän. 333.

16) „die Strenge des Maasses“, Recht. II.

17) „die Stärke des Ganzen aus der Harmonie seiner Glieder“. Recht. II.

18) „ruhiges Gleichgewicht aller Theile“. Phän. 344; Срв. Lass. II. 494.

19) Recht II.

Духъ цѣлаго паритъ ¹⁾ надъ жизнью частей и придаетъ ей „абсолютную прозрачность“, „единство“ ²⁾ и мощь. Благодаря этому „ни единичная потенція, ни существованіе всѣхъ потенцій вообще не можетъ застыть“: духъ цѣлаго „вѣчно развертываетъ ихъ“ и столь же абсолютно „свертываетъ и подъемлетъ ихъ“ и вновь „наслаждается собою въ неразвитомъ единствѣ и ясности“ ³⁾; его отношеніе къ потенціямъ внутренне-цѣлесообразно и творчески-властно: „увѣренный и недѣлимый въ своей внутренней жизни, онъ то сокращаетъ одну посредствомъ другой, то цѣликомъ переходитъ въ другую и уничтожаетъ всѣ остальные“ и потомъ опять „уходитъ въ абсолютный покой, въ которомъ сняты всѣ потенціи“ ⁴⁾. „Нравственная тотальность“, преслѣдуя единую цѣль духовнаго самоподдержанія, все время „ограничиваетъ“ свои части и лишаетъ ихъ *самостоятельной* реальности ⁵⁾; и такъ слагаетъ свой „историческій“ ⁶⁾ процессъ во времени ⁷⁾: она „колеблется“ между своими „противоположными“ потенціями,—то укажетъ (*mahnt*) одной на ея назначеніе, то дастъ ей преобладаніе и тѣмъ произведетъ „вторженіе“ и внесетъ „разрывъ“ въ другую ⁸⁾, то волеетъ въ нее своимъ „интенсивнымъ присутствіемъ“ ⁹⁾ новую жизнь, и, немного спустя ¹⁰⁾, „напомнить всѣмъ вмѣстѣ о томъ, что онѣ временны и не самостоятельны ¹¹⁾“; и снова она „разрушаетъ ихъ избыточное распространеніе и ихъ самоорганизацию, вдругъ сливая ихъ всѣ въ единичные моменты и сводя ихъ къ себѣ“, съ тѣмъ, чтобы опять „возродить“ ихъ изъ простаго „единства“ и

1) Срв. „schwebt“, W. Beh. 415.

2) Срв. „absolute klare Einheit“. W. Beh. 409.

3) W. Beh. 409.

4) W. Beh. 409—410.

5) „Einschränken und Ideellsetzen“. W. Beh. 412.

6) „die Geschichte der sittlichen Totalität“. W. Beh. 412.

7) „in der Zeit“. W. Beh. 412.

8) „Einbrüche und Risse“. W. Beh. 412.

9) „Kräftigeres Inwohnen“ W. Beh. 412.

10) Срв. „für eine Zeit“. W. Beh. 412.

11) Срв. „an ihre Zeitlichkeit und Abhängigkeit erinnert“. W. Beh. 412; Срв. Lass. II. 485. 486. W. Beh. 349. 354. 410.

„отпустить ихъ, напомнивъ имъ объ этой зависимости“, и сообщивъ имъ увѣренность, „что они будутъ слабы, какъ только захотятъ стать самостоятельными“ ¹⁾. Она подвергаетъ ихъ спекулятивной „негации“ ²⁾ и, „понуждая, заставляетъ“ ³⁾ ихъ творить жизнь и законъ цѣлаго; она созидаетъ этимъ свое развитое, развернутое существованіе и, собравъ свои разбросанные лучи въ единый фокусъ, „созерцаетъ и познаетъ“ ⁴⁾ изъ него свой образъ. Она осуществляетъ этимъ законъ спекулятивной всеобщности и конкретности и тѣмъ обнаруживаетъ свою божественность: она есть *организмъ*, живущій въ своихъ органахъ и въ то же время *тотальность органовъ*, живущихъ въ органическомъ единствѣ. Абсолютная нравственность „имѣетъ въ индивидуумахъ свое своеобразное органическое тѣло и ея движеніе и жизнь, какъ всеобщія и особенныя,— абсолютно тождественны въ совмѣстномъ бытіи и дѣланіи всѣхъ“ людей ⁵⁾.

Всеобщій нравственный духъ „подводитъ подъ себя“, или „вбираетъ“, включаетъ въ себя *всѣхъ* ⁶⁾: онъ составляетъ „реальность“ индивидуальныхъ сознаний и утверждаетъ,— „дружески или враждебно“,—свое тождество съ ними ⁷⁾. Духовная субстанція „растворена“ ⁸⁾ въ индивидуальныхъ душахъ и въ свою очередь „проникнута“ ⁹⁾ ими; она стоитъ съ ними въ „непосредственномъ“ ¹⁰⁾, „безусловномъ, цѣлостномъ, простомъ“ ¹¹⁾, „абсолютномъ“ ¹²⁾ единствѣ ¹³⁾ и тожде-

¹⁾ W. Beh. 412; срв. Phän. 363.

²⁾ Срв. Lass. II. 485. 486.

³⁾ Срв. о „bezwingen“. W. Beh. 372.

⁴⁾ Срв. „wiederstrahlt und sich darin anschaut und erkennt“. W. Beh. 415.

⁵⁾ W. Beh. 400; срв. Lass. II. 485.

⁶⁾ „die Subsumtion aller unter ein Allgemeines“. Lass. II. 466. Phän. 330.

⁷⁾ „freundlich oder feindlich identisch mit ihnen“. Lass. II. 466.

⁸⁾ „aufgelöst“. Phän. 328—329.

⁹⁾ „durchdrungen“. Phän. 313.

¹⁰⁾ Phän. 279. 342. 353.

¹¹⁾ „schlichthin Eins“. Срв. Lass. II. 465. Glaub. 148. W. Beh. 338. Recht. 217.

¹²⁾ W. Beh. 323. Enc. III. 392.

¹³⁾ W. Beh. 362. Phän. 264—265.

ствѣ¹⁾, такъ что между обѣими сторонами угасаетъ отноше-
 ніе²⁾ и нельзя даже сказать, что „абсолютная нравствен-
 ность отражается“³⁾ въ единичной душѣ. Цѣлое просто-
 „равно“ своимъ частямъ и живые индивидуумы „равны“⁴⁾
 своей Всеобщности: они живутъ въ ней⁵⁾ и существованіе
 нравственной субстанціи состоитъ въ ихъ „дѣйствительно-
 сти и дѣятельности“⁶⁾. „Въ каждомъ и для каждаго изъ
 нихъ, даже поскольку они единичны“⁷⁾, — живетъ и тво-
 ритъ себя духъ цѣлаго, сливаясь съ ними и сливая ихъ съ
 собою⁸⁾, такъ что дѣйствительно обнаруживается нѣко-
 торая классическая *простота и живое единство*. „Эта нрав-
 ственность“, какъ „живой самостоятельный духъ“, является,
 наподобіе Бріарея, съ мірадами глазъ, рукъ и другихъ
 членовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ изъ себя аб-
 солутнаго индивидуума“⁹⁾ и въ этомъ видѣ своемъ она
 образуетъ единый духовный *организмъ*, живущій единымъ
всеобщимъ самосознаніемъ.

- *Духовное единство людей* отнюдь не есть „норма“ или „тре-
 бованіе“, или „идеаль“; его не слѣдуетъ также понимать въ
 смыслѣ какого-нибудь „отвлеченія“, или результата позна-
 вательныхъ „комбинацій“, или эмпирическаго „со-существо-
 ванія“. Это единство, являющееся на высшей ступени един-
 ствомъ *воли и самоезнанія*, есть *абсолютная и объективная*
реальность: нравственный коллективъ *дѣйствительно* обладаетъ
*единымъ самосознаніемъ и единою волею*¹⁰⁾. При этомъ „всеоб-
 щее самосознаніе“ живетъ въ *единичныхъ* сознаніяхъ, — въ ка-
 ждомъ и во всѣхъ; во всѣхъ порознь и во всѣхъ вмѣстѣ; и

1) Lass. II. 452. W. Beh. 367. 400. Enc. III. 390—391. 438. Recht. 212—220.

2) „verhältnisslose Identität“ Recht. 212.

3) „sich abspiegle“. W. Beh. 396.

4) „gleich“. Lass. II. 465. 466—467.

5) Lass. II. 481.

6) Phän. 314.

7) Lass. II. 466.

8) „Zusammenliessen“. Phän. 229—230.

9) Lass. II. 464.

10) Срв. Phän. 264—265. 307. 403.

точно такъ же „всеобщая воля“ живетъ въ *единичныхъ* воляхъ—въ каждой и во всѣхъ; во всѣхъ порознь и во всѣхъ вмѣстѣ.

Всеобщее самосознаніе трижды оправдываетъ свое имя: это есть, во-первыхъ, самосознаніе *индивидуума*, пронизавшее *весь* строй его субъективнаго духа вплоть до его субстанціаль-ныхъ глубинъ; это есть, во-вторыхъ, самосознаніе *коллектива*, выношенное *каждымъ*, осознавшимъ себя во всѣхъ и всѣхъ въ себѣ, и *всѣми*, осознавшими себя въ немъ и его въ себѣ: это есть, въ-третьихъ, самосознаніе *субстанции*, осуществившееся въ самосознаніи *индивидуума*, признавшаго ее въ себѣ и себя въ ней, и въ самосознаніи *коллектива*, каждый членъ котораго знаетъ всѣхъ—въ ней, и ее во *всѣхъ*, и знаетъ, что *всѣ* знаютъ ее во всѣхъ и всѣхъ въ ней. Повидимому, всеобщее самосознаніе не имѣетъ особаго внѣшняго носителя и живетъ всецѣло въ единичныхъ душахъ; и тѣмъ не менѣе только поверхностная и разсудочная мысль можетъ усмотрѣть въ такомъ пониманіи что-то въ родѣ „соціального номинализма“. Ибо реальность всеобщаго самосознанія есть *дѣйствительная, объективная* реальность, живущая, правда, въ индивидуальныхъ душахъ, но въ осуществленіи своемъ *перерождающая, и содержание—и ритмъ* ихъ индивидуальной жизни: реально мѣняется и обновляется—и то, *чѣмъ* живетъ душа, и то, *какъ* она живетъ. Всеобщее самосознаніе есть состояніе всеобщей субстанции, *отвовавшей себѣ* сферу лично-особеннаго сознанія. Поэтому необходимо признать, что всеобщее самосознаніе, осуществившееся въ индивидуальныхъ душахъ живетъ *не въ нихъ, а ими или въ видѣ ихъ* такъ, что „имѣется только движеніе всеобщаго самосознанія въ немъ самомъ, въ видѣ взаимодействія его въ формѣ всеобщности и (въ формѣ) личнаго сознанія“ ¹⁾.

Подобно этому и *Всеобщая воля трижды* оправдываетъ свое имя: это есть, во-первыхъ, единая и разумная *страсть индивидуальнаго духа*, возстановившая свою цѣльность и

¹⁾ Phān. 444.

свою правоту и осуществляющая свою свободу отъ всякаго вещественнаго, соціальнаго и субстанціальнаго инобытія; это есть, во-вторыхъ, единая воля *коллектива*, выношенная всѣми такъ, что волевая активность каждаго совпадаетъ по *содержанію*, по *цѣли* и по *результатамъ* съ волевою активностью каждаго другого и всѣхъ другихъ,—порознь и сообща, ибо каждый стремится и работаетъ, осуществляя такое „самоподдержаніе“, которое есть *eo ipso* „самоподдержаніе“ каждаго другого и всѣхъ вмѣстѣ (органическое взаимопитаніе частей); это есть, въ-третьихъ, Всеобщая воля самой *Субстанции*, обнаруживающая себя въ волѣ *индивидуума*, особенная воля котораго предалась субъективно-всеобщей, *id est* объективно-всеобщей, стихіи духа, и въ волѣ *коллектива*, каждый членъ котораго несетъ въ себѣ субстанціальную волю и самъ несомъ субстанціальною волею, какъ свою живую сущность. Повидимому, и всеобщая воля не имѣетъ особаго внѣшняго носителя и живетъ исключительно въ единичныхъ душахъ; и тѣмъ не менѣе мысль, осуществившая въ себѣ спекулятивное видѣніе Гегеля, не можетъ усмотрѣть въ его ученіи о всеобщей волѣ „номинализма“. Реальность всеобщей воли есть *подлинная, объективная реальность*; правда, она живетъ въ единичныхъ душахъ, но въ обнаруженіи своемъ она *перерождаетъ* волевою активностью каждаго и въ содержаніи ея, и въ цѣли и въ результатахъ. Всеобщая воля какъ бы разлилась, безпрепятственно распространилась въ душахъ людей настолько, что каждая индивидуальная воля утопила себя и дѣйствительно потонула въ стремящей стихіи Субстанции, и всѣ онѣ, имѣя единое, общее содержаніе, единую, общую цѣль, и единый, общій результатъ, и зная свою органическую ассимилированность, сращенность и тождество,—слагаются въ мощное *функциональное единство* Всеобщей воли. Поэтому можно сказать, что Всеобщая воля живетъ не въ индивидуальныхъ душахъ, а *ими*, или *въ видѣ ихъ*, такъ, что имѣется только ея „движеніе“ въ ней самой: она принимаетъ форму индивидуально-осо-

бенной воли ¹⁾ для того, чтобы раскрыться въ „систему нравственности“, и вновь возвращается къ себѣ ²⁾ въ актѣ совѣсти, осуществивъ себя въ инобытіи и утвердивъ свою субстанціальную свободу.

И вотъ, „эта Всеобщность, безусловно и просто соединившая съ собою особенность, есть Божественность народа“ ³⁾, составляющая *сущность нравственности* и глубочайшую природу *личной души*. „Народный духъ есть знающее себя и желающее себя Божественное“ ⁴⁾. Это означаетъ, что въ предѣлахъ нравственной философіи подъ „всеобщимъ“ слѣдуетъ разумѣть *духъ отдѣльнаго, единичнаго народа*, подъ „особеннымъ“ — *духъ отдѣльнаго сословія*, а подъ „единичнымъ“ — *духъ отдѣльнаго, единичнаго лица* (семьи, составляющей единое лицо ⁵⁾), или человѣческаго субъекта). Нравственная субстанція, создавшая себѣ адекватную дѣйствительность, есть Духъ Божій, который реализовалъ себя въ видѣ народа, ведущаго *конкретно-нравственную жизнь* ⁶⁾. Народъ, осуществившій всѣ три великія сращенія, есть *трижды конкретный образъ нравственности*, — подлинное явленіе Божества, своего рода „мистическое единство“ ⁷⁾ людей и Бога. Ибо „дѣйствіе Божества“ ведетъ всюду къ одинаковому результату: къ *спекулятивной конкретности* ⁸⁾, — къ сращенію духовнаго въ духъ ⁹⁾.

¹⁾ Срв. Phän. 444. 445. Ph. G. 44 Mollat. 54.

²⁾ Срв. Mollat. 54. Recht. 42.

³⁾ „Göttlichkeit des Volkes“ Lass. II. 467.

⁴⁾ „das sich wissende und wollende Göttliche“. Recht. 312.

⁵⁾ Срв. die Familie ist nur eine Person“. Enc. III. 394.

⁶⁾ Срв. „der Geist ist das sittliche Leben eines Volkes“. Phän. 330; „als die wirkliche Substanz ist er ein Volk“. Phän. 333; „die wirkliche ihrer bewusste sittliche Substanz, das ganze Volk“. Phän. 338; „der sittliche oder der wahre Geist ist das freie Volk“. Phän. 527; срв. Enc. III. 391. 403. Recht. 68—69. 220. W. Beh. 413, 414. и др.

⁷⁾ Срв. „unio mystica“. Nohl. 67. Первоначальное значеніе термина „unio“ — не „связь различнаго“, но „единица, единство“.

⁸⁾ Срв. „alles wahre ist concret“, Recht, 43; „Versöhnung ist der Gehalt der speculativen „Idee“. Enc. I. XVIII. Anm., и др.

⁹⁾ Срв. Nohl. 305.

При такомъ пониманіи нравственность является сразу: какъ вѣяніе Духа Божія въ личной душѣ—„добродѣтель“; какъ жизнь коллективнаго „индивидуума“¹⁾, развернутая въ самостоятельный организованный „міръ“²⁾—„государство“; и, наконецъ, какъ „субстанціальное въ міровой дѣйствительности“³⁾, или „Божественное во внѣшнемъ предметѣ исторіи“⁴⁾.

И. Ильинъ.

1) Срв. W. Beh. 413. Phän. 330.

2) „das Individuum, das eine Welt ist“. Phän. 330.

3) Rel. I. 173.

4) Ph. G. 40